

84 = 274

1974

Алишер Навои

Избранная
лирика

84(54) 1

5181

Н 14

А. Павлов
Избранная
серьеза

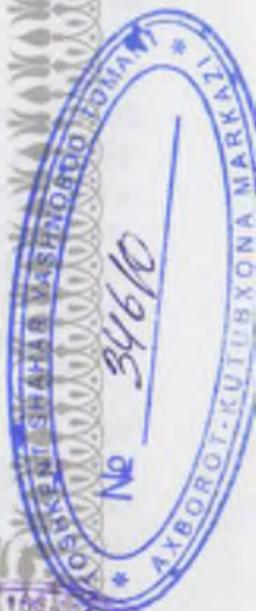
2008₂

3,000с

Алишер Навои

ТАШКЕНТ
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ИЗДАТЕЛЬСКО-ПОЛИГРАФИЧЕСКОЙ
АКЦИОНЕРНОЙ КОМПАНИИ «ШАРК»
2008

Н 14

Издание подготовлено к печати Музеем литературы
им. Алишера Навои АН РУз

Подготовка к печати –
доктора филологических наук,
проф. **С. Хасанова**

Ответственный редактор
академик **А. Каюмов**

Навои, Алишер.

Избранная лирика / Алишер Навои; Отв. ред.
А. Каюмов; Вступит. ст. С. Хасанова. — Т.: Шарк,
2008. — 176 с.

ББК 84(5У)1

ISBN 978-9943-00-272-2

© Главная редакция ИПАК «Шарк», 2008.

ЦАРЬ ЦАРЕЙ ПОЭТОВ

В 2008 году все прогрессивное человечество широко отмечает 567-летие со дня рождения гениального узбекского поэта Алишера Навои. Плодотворная, кипучая деятельность нашего великого творца во многом способствовала развитию социально-политической, философской мысли народов Востока, расцвету литературы, культуры, искусства, ряда областей науки.

Гениальная, высокохудожественная поэзия Навои воспевает идеи гуманизма, мира и просветительства. Его непревзойденный талант поднял литературу тюркоязычных народов до мировых вершин. Поэтому он стоит рядом с гигантами мировой литературы — Гомером и Данте, Рудаки и Фирдоуси, Низами и Саади, Шекспиром и Бальзаком. Великий азербайджанский поэт Физули, высоко оценивая поэтический мир Навои, назвал его царем всех царей поэтов. Когда Захириддин Мухаммад Бабур, великий поэт и мыслитель, писал о том, что «Алишербек был незаурядным человеком, писал он на тюркском столько и так великолепно, как никто никогда не сочинял», он был вполне объективен.

И хотя творениям великого Алишера, этого мудрого творца с энциклопедическим умом и мышлением, уже более пяти веков, они прочно занимают достойное место в сокровищнице мировой литературы, до сих пор волнуют умы и сердца наших современников.

Богато и необъятно литературное наследие Алишера Навои, оно влилось в мировую сокровищницу человеческой мысли как своеобразный и неповторимый поэтический мир. Мир Навои — это синтез общечеловеческих идей, это думы и чаяния гения о счастливой жизни всех людей, наперекор религиозным и политическим предрассудкам. Поэтому произведения Навои созвучны всем эпохам.

Великий творец восклицал:

*Коль сам ты человек, тем словом звать не смей
того, кому чужда печаль других людей.*

Творчество Навои нельзя представить без его лирики. Основу ее составляют четыре дивана под общим названием «Сокровищница мыслей». В это своеобразное и неповторимое творение включено более 45 тысяч стихотворных строк, написанных в 16 лирических жанрах. Название каждого дивана связано с тем или иным периодом человеческой жизни и поэтическими произведениями, а потому логически мотивированно. Первый диван называется «Фаройиб ус-сигар» («Чудеса детства»), второй — «Наводир ушшабоб» («Редкости юности»), третий — «Бадойи улвасат» («Диковины среднего возраста») и, наконец, четвертый — «Фавойид ул-кибар» («Полезные советы старости»).

«Сокровищница мыслей» составлена в 1492—1498 годах и, по велению правителя Хусейна Байкара, в нее вошли стихи поэта из диванов «Редкости начала» (1470—1476) и «Диковины конца» (1480—1487). Ос-

нова «Сокровищницы мыслей» — газель, самый распространенный жанр в литературах Востока. В нее также вошли образцы рубай, кытга, туюгов, сакинаме, муаммо и других видов лирики.

В лирике Алишера Навои одно из ведущих мест занимают газели нравственно-воспитательного характера. В них ярко, художественно выразительно передано нравоучение поэта о совершенстве личности, о человеческих деяниях. Воспевая любовь к жизни, достоинство человека-творца, дружбу между людьми, свободу и мир, поэт горячо призывал:

*Поймите, люди всей земли:
вражда — плохое дело.
Живите в дружбе меж собой —
нет лучшего удела.*

Пророческое обращение Гения созвучно стремлениям человечества во все времена. Сочинения поэта на всех сложных, переходных этапах истории приходили на помощь человечеству. Не потому ли основные произведения Алишера Навои переведены на многие языки народов мира?

В преддверии юбилея Алишера Навои в этот сборник включены самые лучшие лирические стихотворения великого поэта в переводе на русский язык, которые свидетельствуют о необычайной разносторонности творчества великого мастера слова. И несомненно, читатель будет благодарен большому и кропотливому труду поэтов-переводчиков, ученых, комментаторов и издателей.

С. Хасанов

Над бездной между двух миров мелькнула тень
 красы твоей,
 И на базаре бытия тоска смутила всех людей.
 За покрывалом тайны ты, но лишь откинешь
 свой покров,
 В тоске влюбленные глядят на ту, что всех светил
 ясней.
 Когда над капищем лугов твой лик
 прекрасный засверкал,
 Как саламандра, запылал к тебе любовью соловей.
 Зачем от зеркала Меджнун безумных не отводит глаз,
 Когда в прозрачной глубине не видит он
 Лейли своей?
 Что для Вамыка сотни дев, открывших лица
 перед ним,
 Ведь не открылась перед ним Азра,
 что всех ему милей!
 О, если б вовремя Фархад узнал бы
 о любви Ширин,
 Своею кровью на горах он не окрасил бы камней.
 Желтеет солнце, а потом, стыдясь, краснеет потому,
 Что ты взрастила сотни роз, и солнца каждая светлей.
 Когда б не обратила ты в пылающий цветок свечу,
 Зачем бы страстный мотылек сгорел
 в огне ее лучей?
 Когда бы стал каламом шип и розу рая описал,
 О Навои! Тогда б немой заговорил, запел о ней!

Ты — свиток времен предвечных,
 что мудростью озарен,
 Предвечными письменами, печатью рока скреплен.
 Меж атомов каждый атом от века помнит тебя.
 Меж каплями дождевыми лишь о тебе перезвон.
 Прислужница прикоснулась — и зеркалом стал
 твой лик.
 Он глаже озер закатных, и дивно светится он.
 Украшены кудри ночи дыханьем твоей любви.
 Язг солнца, в тебя влюбленный,
 пред ликом твоим склонен.
 Приходит в твои чертоги и хан, и бедный дервиш.
 Невежда и мудрый старец — все чтут твой
 добрый закон.
 На розу глядит, но песни поет тебе соловей,
 И мотылек не свечою — тобою он привлечен.
 О боже, да будет вечно с влюбленными Навои!
 Язык поэта да будет тебе одной посвящен.

О божество! Творец! Создатель! Шах!
 Провидишь в тайнах ты и в явственных вещах.
 Во имя страждущих являешь если ты —
 Нимруд почтен тогда и в мыслях и в делах.
 Когда презренье к власти хочешь ты явить —
 Низвергнет Искандер и Дария во прах.
 Камнями бед и яхонтом мощен твой путь,
 И мускус, и густая пыль в твоих дверях.

В твоей ночи взойдет полярная звезда —
Подобен солнцу людям свет в ее лучах.
Ты погрузился, Навои, в душевный мрак,
Ты не умрешь, но смысла нет и в хызровых делах.
Простить грехи в день страшного суда
Пошли посланника, Создатель мой и Шах!

5

Ты один лишь из пророков носишь божества печать,
И за всех детей Адама призван ты лишь отвечать.
Говоря: «Смогу ль коснуться я лицом твоих
дверей?» —
Каждый день приходит солнце, чтобы мир наш
привечать.
Среди звезд, в ночь вознесенья, как жемчужину
в росе,
Можно было от созвездий ясный лик твой отличать.
Почему в разлуке с Кабой носят траур, ворот рвут,
Если Каба не явилась, чтоб тебя слезой венчать?
Видно, в сердце солнце лика твоего хранит Земзем,
А не отраженье солнца, когда полдень весь в лучах.
Был у ангела на небе месяц факелом в руках
Над гробницею твоею в изголовье по ночам.
Не песок в долине Мекки, — разлученное с тобой,
Это солнце рассыпалось, жгуче чувствуя печаль.
Ты еще в пути к долине, а Медина весь свой лик
Расцарапала от горя со стараньем палача.
Твоей близости лишен я и наперсников твоих,
Навои грустит об этом и не может умолчать.

Я от скорби обезумел, одичал — и потому
 Изумился беспредельно мир смятенью моему.
 Успокой мое горенье! Стрелы в грудь мою метни!
 Я, как струи свежей влаги, жадным сердцем
 их приму.
 Как письмо тебе доставить! Имя светлое твое
 Я, к чужим глазам ревнуя, не доверю никому.
 Храм высокий мудрых магов, дом вина —
 тебе приют,
 Небо — кровля, светоч — солнце
 в радостном твоём доме.
 Не достигь тому любимой, кто не жертвует собой,
 Навои, отдай сто жизней в жертву взгляду одному.

В моем сердце твоя обломилась шальная стрела.
 Жаркой крови струя эту сталь облила, обвила.
 Но вино твоих губ так бодрит, подкрепляет меня,
 Словно вправду его ты живую водой развела.
 В эту рану мою, что горит и горит, как костер,
 То огня подбавляешь, то влагой с ресниц залила...
 Сад печальный — любовь, это сердце убитый павлин,
 Лишь цветы расцвели там, где ты наступила, прошла.
 Ветерок или голубь, летящие там, в вышине,
 Расскажите вы солнцу, что землю сжигает дотла!
 Ах, когда ты в разлуке встаешь перед взором моим,
 Опускаю ресницы, чтоб стонов моих не прочла!
 Навои, эти слезы твои не утешили боль —
 И потопа волна тот огонь погасить не смогла!

Погибелью грозит любовь, едва признаюсь в ней,
 А затаить ее в груди — погибели страшней.
 Пусть даже камни оживут в сиянии луны —
 Душа застывшая моя недвижимее камней.
 Забуренный разлуки меч терзает грудь мою,
 Чем глубже ранит острие, тем сердце холодней.
 Но если ты издали метнешь в меня стрелу —
 Вселенную испепелит огонь души моей.
 О, где стрела? Я ворот рву, я обнажаю грудь,
 Прошу отравленной стрелы, как милости твоей.
 О, где стрела? Я разобью из-под вина бутылку —
 Осколки превращу в очки, чтоб стала жизнь светлей!
 Пусть ураган небытия — разлуки ураган —
 Кружит меня, как легкий прах, пустынями ночей...
 И если ты уже давно не веришь ничему,
 Учись страданью, Навои! Оно всего сильней!

В разлуке с любимой ты стала руиной,
 о крепость моя;
 Так в ранах недугов, страданиями твима —
 ты суть бытия.
 Да! Солнце и Месяц мой взгляд прояснили
 и тайну открыли!
 И в солнечном лике сияет живая мне сущность твоя.
 Окно за окном закрываются ставни от стрел
 смертоносных.
 Где ж вылетит птица надежды и жизни в иные края?

Умру я, сгорая, — пусть плачет, пылая,
свеча надо мною;
Под копотью черной янтарного воска потоки лия!
Узнав, что я гибну, враг станет мне другом...
что пользы мне в этом?
Коль друг в это время явился мне лютым врагом,
как змея?
Как сумрак ненастья, одежды печали рассвет
омрачили,
И утро восходит не в царственных ризах,
а в клочьях рванья.
Любовь это — гибель, но ты Навои не отступишь
пред нею —
Пред бездною той, где дрожат лицемеры,
смятенье тая.

10

Этот град опостылел в разлуке с луной для меня.
Розы нет, и цветник стал унылой тюрьмой для меня.
О друзья! Вы пируете, в радости пьете вино,
Но лишь горечь и кровь в пиале пировой для меня.
Разум, вера, терпенье покинули тело мое,
Только мука осталась — подругой одной для меня.
Этой мукою грудь пронзена, словно тюркской
стрелой,
Пусть от новой стрелы она будет броней для меня.
Я в позоре влачусь, я так жалок, что плачут одни,
А другие смеются, взглянувши порой на меня.
Как вода, моя печень ослабла; и в этой воде
Муки смертные чудятся рыбьей игрой для меня.

Мне твердят: «Навои! Позабудь иль расстанься
с душой!»
Но забвения нет, есть лишь выход второй для меня.

11

Я красу твою увидел и плененным стал тобой,
В грустный день я стал влюбленным,
огорченным стал тобой.
Дни идут, но нет отрады, нет надежды на тебя;
С каждым днем люблю сильнее,
покоренным стал тобой.
Я сказал: «Будь верной другу», — ты жестокою была.
Ты сказала: «Жертвой будешь», —
я сраженным стал тобой.
Пери! Обо мне подумай, стал я жертвой для тебя,
Стал в тебя навек влюбленным,
изумленным стал тобой.
Мало мне ста злых страданий, сотни бед за то, что я
Стал бедой себе одною, опьяненным стал тобой.
Ты — бокал с водою жизни, ты — навек моя судьба.
Где мой сан? Я стал, как нищий,
покоренным стал тобой.
Лютню горя меж влюбленных не находит Навои.
Словно он, я стал плененным,
огорченным стал тобой.

12

В гневе ты — любой поступок мой мученье для тебя.
Ты добра — мой грех стократный упоенье для тебя.

Ты со мною то скучлива, то внезапно весела.
Как привыкнуть к переменам настроенья у тебя!
Доброта твоя сражает и убийственен твой гнев,
Своему дивлюсь терпенью в раздраженье на тебя.
Сердце, так тебе и надо: полюбило — и терпи,
Будь хоть каждое мгновенье огорченьем для тебя!
Роза, зная пылких вздохов опасайся, но поток
Слез из глаз моих — спасенье, наслажденье для тебя.
Солнце, не сожги влюбленных: знай,
от их горячих лиц
Прибавляется свеченье, жар и жженье у тебя.
С солнцем не ищи сравненья.

Ты — пылинка, Навои,
Но его пренебреженье — оскорбленье для тебя.

13

О мечта моя, стройнее, чем алиф, твой тонкий стан,
Лик твой — камень драгоценный —
в утешенье сердцу дан.
Так изячно ты смеешься, что соперницы твои
Пламенеют от смущенья, словно роза иль тюльпан.
Что дыханием Мессии я назвал твои слова,
Ты прости: не чужд ошибок иногда и сам султан.
Я сказал, что отзовется вздох мой в сердце у тебя,
Но едва ль он будет слышен там, где лютия
и тимпан.

Навои! Всем людям страсти песнь мученья твоего
Разорвет на части сердце, истомленное от ран.

То ли солнце по Джейхуну в челноке своем плывет,
 То ли ясный полумесяц в небе бродит,
 к звездам льнет?
 Не пойму — моя ль луна там в легкой лодке
 на волне,
 Новый месяц в новолунье, отраженный в лоне вод?
 Из-под лодки выбегает золотистая волна,
 Мой зрачок — моя подруга, в лодке той меня зовет.
 О Меджнун, скорей, не медли; не проворен так
 верблюду,
 Что влачит Лейли в пустыне, как той лодочки полет.
 Если хочется спасенья в этом мире от тревог,
 Придержаться не пробуй лодку —
 пусть кружит водоворот.
 Лживо говоря: «Пусть сердца Навои не тронет
 шквал»,
 Целый мир тревог поднимет море в сердце и ревет.
 Шах похвалит, — нижет бейты, словно жемчуг,
 Навои.
 Море в каждой из жемчужин, им нанизанных, поет.

Сто тысяч раз кинжал любви полосовал мне тело,
 Разлука бросила в шипы, в сто тысяч ран одело.
 Но даже и среди шипов, тебя благословляя,
 О нежном аромате роз влюбленно сердце пело

Из тела — дома своего — рвалось к любимой сердце,
Без родины, в краю чужом ему осточертело
Мой саван словно бы в крови от каждой нити алой —
Душа от алых губ твоих немало перетерпело.
Как не погибнуть соловью: неверности жестокой,
Пылающих среди луга роз — нет меры и предела!
В ста завитках, о Навои, твой любимый локон.
На завиток по сто сердец навек оцеплено.

16

Робко пальцами коснулся нежных губ ее слегка,
Будто соловей крылами алой розы лепестка.
Озеро в пушинках ивы — нежное ее лицо,
Будто зеркало в рябинках легкой ржавчины — щека.
Позолоченные хною дуги царственных бровей —
Два блистательных павлина в нежных тенях
цветника.
В мире зла лишь злым отрада, а иным не место
в нем.

Не цвести царице сада в пустыре меж сорняка.
Ты от кубка в час похмелья жадных губ не отрывай,
Только в нем найдет забвенье тот, чья жажда велика.
Так прими же неизбежность мир покинуть, Навои,
Выведи любовь и нежность из мирского тупика!

17

Был город отлюбивших душ... Могила у могилы там,
Плит, минаретов, купалов не сто ли тысяч было там!

У жителей домов-могил все, кроме жизни, под рукой.
Для них потомки — сбор гостей, рыданье — смех.

Так было там.

Разбитые, в крови, сердца весной тюльпанами цвели,
А вместо музыки гостям сто плакальщиков выло там.
И не трава — росли шипы, они пронзали тех людей,
Которых страстная любовь навеки поселила там.

Как будто всадник гарцевал с мечом

по улочкам кривым,

И меченосная рука бесплотных наплодила там.

Когда б любимая моя Мессией город обошла,
Жизнь Хызра б вечную она в безжизненных

вселила там.

Теперь взгляни на степь любви: там то прохлада

от ветров,

А то тюльпанов-огоньков губительная сила там.

Едва, как долгожданный плод, зерно любви

в степи взойдет.

Как духи птицами к нему летят, тяжелокрылы, там.

В питейном доме, Навои, познаешь ты небытие,

Остерегайся ханаки: все лживо и уныло там.

18

Да сгорит мое сердце, другой поклоняясь,

о царица, хоть раз!

Но и сердце любое, что страстью

к тебе загорится хоть раз!

Да не знаешь мне надежды на встречу с какой —

другой, не с тобой!

Но свиданьем с тобой да не смеет никто
возгордиться хоть раз!
Восхитясь не твоей, а другой красотой,
да лишусь я очей,
Но ослепни и тот, кто твоей красотой
восхитится хоть раз!
Онемей мой язык, не тебя, а другую хвалой помянув,
Но и каждый язык, восхвалявший тебя, чаровница,
хоть раз!
И к цветам я ревную тебя.
Если б так же обласкан я был
Шаловливой улыбкой твоей, как нарцисс
бледнолицый, хоть раз!
Речь моей луноликой сверкает столь тонкой
алмазной пылью,
Что мечтает и солнечный луч ей подобно
искриться хоть раз!
Поспеши, нечестивец, отнять мою душу,
налей мне вина, —
Не оно ль наконец мне поможет
с возлюбленной слиться хоть раз!
Бесноватым я стал! Не врача,
но колдунью зовите ко мне,
Кто колдунье подвластен, пред лекарем
разве смирится хоть раз!
Ваше сердце, о люди любви,
предзакатной подобно заре,
Хоть ярка — коротка! Не дано ей дожидаться *
денницы хоть раз!

Слишком легкой добычей сетей вероломных
не будь, Навои:
Разорви их! Пусть плачет бездушная та
озорница хоть раз!

19

Я, страдая, выжег язвы, разлучась с моей луной,
Дым от каждой язвы — туча в чистом небе
надо мной.

Никну в слабости душевной я к стене ее дворца,
Так солома в смеси с глиной станет крепкою стеной.
Мусульманину, что предал веру ради этих глаз,
Каждый волос нечестивой станет вящею виной.
О диковинных фиалках, о садовник, помолчи:
На лице любимой мушки — все фиалки,
до одной!

На души завесу кровью ставила печать она, —
Та, что с розою в тюрбане я сравнил бы неземной.
Врач! Любимую, как душу, в плоть мою
скорей впусти,
Приведи ее... Ты видишь — угасает твой больной.
Жизнь влюбленного в убийцу всякий час
на волоске,

Выскажет иль скроет чувства он молчанья пеленой.
Не найдя любви и веры, ты людей не упрекай:
Древа с этими плодами не имеет сад земной.
Разум, веру похищает радостей земных вино.
Навои, уйди же трезвым прочь с пирушки озорной.

Коль пользы от людей все нет, пусть и вреда не будет;
 Нет пластыря для ран — шипов пусть
 никогда не будет.

Пусть чаша красного вина не каждому дается,
 Но пусть и кровь из многих чаш, течь, как вода,
 не будет.

Когда надежды нет на жизнь вблизи луноподобной,
 Пусть с ней разлука смерти мне сулить
 тогда не будет.

Когда, с любимой разлучась, ты потеряешь память,
 Неважно, если о тебе мир навсегда забудет.
 О кравчий! Пьяным напоив, что делать
 мне прикажешь,

Коль от рассудка моего вдруг и следа не будет?
 Вдруг сердце пьяное мое властителя восславит,
 А сердцу над самим собой в тот час суда не будет?
 Вздохнешь — у пери, Навои,
 прическу вздох погубит.

Конечно, это не беда. Ну, а стыда не будет?

О если бы в саду любви вступила страсть
 в свои права!

За шею милую обняв, шепчу ей нежные слова.
 В мгновенье близости лицо я прячу на ее плече,
 В мгновенье слабости у ног лежит покорная глава.

Но не радуйтесь, что ныне мне спасения уж нет,
 Сердце бедное в темнице грозно стережет беда.
 В единеньи с нею — ревность, а в разлуке
 с ней — печаль,
 Но за мигом единенья нас разлуки ждет беда.
 О советчица, влюбленность ты отринула мою,
 Ты не знала, что советов не берет в расчет беда.
 Я живу, когда мы в дружбе; дружбы нет —
 я смерти жду,
 Разлучение с тобою — это страшный гнет, беда.
 Кто беды не знает в жизни, тем и радость не дана,
 Рано ль, поздно ль, всех включает
 в свой водоворот беда.
 Потеряв свою подругу, сразу понял Навои,
 Что терзать его отныне будет круглый год беда.

23

Судьба иному чашу шлет, что влагою хмельной
 полна,
 Моя же — старый черепок — кровавою водой полна.
 Нутро мое в крови — оно, как чаша из любимых рук.
 Я жажду чаши, чтоб она была, подобно той, полна.
 Ресницы милой — как шипы,
 несущие смертельный яд,
 Хоть глубина нарциссов — глаз медовой
 дремою полна.
 Меж лепестками алых губ не градины ль,
 одна к одной,
 Или шкатулочка-рубин жемчужной белизной полна?

В моих слезящихся глазах стократно повторен
твой лик —
Мелькающая круговерть тобою лишь одной полна.
Мне уготованы судьбой заботы кравчего, кабак;
Твоя ж судьба — михраб, мечеть,
что постников толпой полна.
От винной чаши, Навои, ты помощи большой не жди.
Туда войди, где стар и млад пьют мерою одной
сполна.

24

Лепесток от розы алой стал в руках твоих письмом.
Начертание печали в милом почерке твоём.
Сердце мне прожег твой почерк, он услада по тебе,
Наслажденья не получишь с ненабитым кошельком.
У тебя лицо — как утро, полумесяц — бровь твоя,
Взор мой кровью затуманен, дряхлым стал
я стариком.
Там, где явлен нам предвечный,
места идолам уж нет,
Все кумиры исчезают пред одним его лицом.
Побеждает всех влюбленных этой пери красота,
Будь она без покрывала, мир смутила бы челом.
Столь губительной пустыней нам была бы
степь любви,
Человек, в нее вступивший, распростился б с бытием.
Разрешите мне плакать вволю, сердца пыль
слезой прибить,
Ведь ложится пыль дороги, летним
спрыснута дождем.

Лей вино мне, виночерпий. С милой сердцу разлучен,
Караван тоски я вижу в сердце выжженном своем.
Подожди немного, пери, спрашивать о Навои,
Он ведь призраком Меджнуна на пути стоит твоим.

25

То ли щеки румянами красит вино,
Лучами ли пьяными сердце полно?
Мерцают в ушах драгоценные камни,
Сияют ли звезды с луной заодно?
Твой лоб покрывается бисером пота,
Роса ли на розе — не все ли равно?
Бутон этот нежный проткнула колючка,
Иль сердце обманами пронзено?
Запуталась в прядях любви моей птица,
Ночную ли тварь приманило окно?
Горит небосвод, как лицо моей милой,
Иль пламя души моей вознесено?
Любимая, рада ли ты расставанью,
Иль так же тебя убивает оно?
Ночной ли печали на всем покрывало,
От смерти крылатой ли стало темно?
Коль скажут: от мук Навои отступился,
Не верь — не бывает водою вино...

Все громче стон в моей груди,
 что пронзена твоей стрелой.
 Так саз, чья дека пронзена, рыдает каждую струной.
 Чадит свеча моей тоски, и тень от копоти свечи
 В заре, на белизне стены, колеблясь,
 пишет образ твой.
 Дыханье прихоти твоей — кораблик утлый бытия
 Несет, бросает, в миг любой готово
 захлестнуть волной,
 И каждой встречей спалено, печально сердце и темно,
 Влачась в пыли земных дорог, как странник
 с нищенской сумой.
 Срезает, плача, ночь нагар на черных
 амбровых свечах;
 А я сгораю, но твоя свеча не плачет надо мной.
 Но родинка твоей щеки разлуки долгой ночь сожгла,
 Так язву раскаленный прут врачует язвой огневой.
 И вздох горящий Навои погасший дух животворит,
 Как по весне дыханье роз несущий ветерок степной.

Соловей, лишенный розы, умолкает, не поет;
 Попугай, лишенный лакомств, красноречье
 где найдет?
 Я твоей любви лишился. Словно пламя —
 каждый вздох.

Я вздыхаю, опасаясь, чтоб не вспыхнул небосвод.
И за то, что я не плачу, ты не упрекай меня:
Кто давно от скорби умер, разве может
плакать тот?
День и ночь молю Аллаха — умертви, но не карай!
Лучше потерять мне душу, чем терпеть
разлуки гнет.
Вкруг свечи твоей улыбки ночью вился мотылек,
Он свечи своей лишился в час, когда заря встает.
Навои с тобой в разлуке птицей безголосой был.
Не лишай раба отныне царственных своих щедрот!

28

С чашей винною стоял я в светлый день в моем саду.
Пил я чашу слез кровавых, я в печали пил беду.
Без нее могу ль я выпить чашу чистого вина?
Сила где и где решимость? Мощи в сердце не найду.
Стало чашей, полной горя, сердце грустное мое.
На глазах застыли слезы — пузырьками на пруду.
Поняла она, что воля не крепка в моих руках, —
Стала нежной, словно чаша. От нее куда уйду?
Чашу выпив, засмеялась, и меня, хмельная, вмиг
Ласками ума лишила, я в безумном был бреду.
В чаше сердца отразилась, словно в зеркале, она.
Лучше сердцу на жаровне жариться,
чем стыть на льду.
Счастлив будь в раю свиданья в этот миг,
о Навои!
Ибо после — вновь разлука и мучения в аду.

Прикусив любимой губы, жадно кровь глотаю я.
 Пей вино! А мне уделом — сердца алая струя.
 Говорят: «Твое страданье только дева исцелит».
 То, что я сгорел, не знает дева милая моя.
 В улицу ее вступая, брови милой я ищу,
 Как пришелец у михраба ищет мирного жилья.
 С плачем сердца сочеталась бледность моего лица, —
 Странно осенью холодной слышать стоны соловья.
 Влей — прошу Аллаха ради — в мой шербет
 смертельный яд!

Врач-Мессия мне не нужен, безнадежна боль моя.
 Истомленное любовью, чем мне сердце исцелить?
 Лишь безумец веселит от искусного лганья.
 Христианский крест и пояс для народа не нужны:
 Плащ и четки я не пропил в кабачке небытия.
 Навои! При ней жестокой, отрекаюсь от любви,
 Но уйдет она — и ночью глаз сомкнуть не в силах я.

Опечаленный любимой, сам я не существовал.
 Не нашел я рта рубина, так он был — прекрасно-мал.
 Душу расслоили раны; язвы, кровь их — для тебя,
 Словно лепестки тюльпана, слой за слоем бы срывал.
 Посланные в сердце стрелы там соорудили дом —
 Коль проверить захотела б, грудь бы
 пред тобой разъял.

Мне пылать любовью долго ль, затаенною в душе?
Как завесою из шелка скрытый, пламень жгуч и ал.
Кто любви такой не знает, тот влюбленным не судья.
Это — молния сквозная, нестерпим ее накал.
И бессильны обвиненья тех, кто не благодарил, —
Даже самый тяжкий день я благодарностью встречал.
А отточенные стрелы все твои для Навои
Будто бы бальзам для сердца — средства
лучшего не знал.

31

Окровавленное сердце под ногами, словно прах, —
Локон тронуло, мечтая след оставить на устах.
Коль навстречу не зажжется светлого лица свеча,
В черных локонов колодце сердце пропадет
впотьмах.
Коль от вздохов не остынет воздух огненный любви,
Не пройдешь ее пустыни, пропадешь в ее песках.
Я б сторел в разлуке разом, но давно смирился с тем,
Что бессильно тлею рядом, ощущая смерти страх.
Говорила неустанно: «Сердца рану залечу».
Но войдет, закрою рану, исцеленья нет в словах.
Крик не сдерживаешь гулкой, садом мира проходя,
Той бессмысленной прогулкой лишь пугаешь
жизни птах.
Утоляешь жажды муки чашей близости. Но знай:
Навои умрет, разлуки кровь глотая второпях.

Жизнь еле теплится, мука меня истомила.
К вечности движусь, любовью отвергнут, спешу
Бренным путем, и его окончанье — могила.
Гибнет в тоске, расстаётся с душой Навои.
Если б из раны его ты стрелу удалила!

34

Гиацинтовый локон свой ты над цветком
не склоняй — не надо!
Аромату заполнить вселенную ты не давай —
не надо!
Опьяненно-сонливые очи свои за добычей не шли:
Все заснуло, и вновь ты соблазни во мне
не возбуждай — не надо!
Ты, о мускус, стремишься продать себя
в рабство кудрям;
Не твое это право, ты в торг этот с ней
не вступай — не надо.
Одного за другим убивают, играя, глаза —
Шаловливым убийцам на жизнь покуситься
не дай — не надо.
Ты, рассудок, твердишь, что подобен
мне мрачный Меджнун, —
Ты безумцу Меджнуну разумных людей
не равняй — не надо.
Но ресниц своих ряд строишь в бой
на поимку сердец, —
Не пускай их, прикрой свои очи
и не открывай — не надо!

Тебя от веры отвратить язычница мечтает, помни.
Ты жаждешь песен и зовешь певца.

Напрасен этот зов.
Напрасно, тщетно голос твой тоскует
и рыдает, помни.

Литавры гордости твоей гремят и увлекают в ад,
Но на земле они царят, и каждый это знает, помни.
Богатства духа, Навои, в себя без усталости вбирай,
Иначе вечность их возьмет,
по свету раскидает, помни.

36

О сердце, не верь ее клятве, крепись,
Верни уверенья назад ей, крепись.
Когда эту нить перерубит разлука,
Вернешь ли свободу обратно? Крепись!
Другим поднесет она кубок свиданья,
Мне ж — чашу прощанья, и яд в ней... Крепись.
А слезы, как звезды, уронишь на землю —
Они лишь украсят наряд ей! Крепись...
Напрасно любовь будет жаждать свиданья —
И радость осилить навряд ей... Крепись.
Когда же душа разорвется от муки —
Что пользы рыдать, говорят ей, крепись!
Не жди, Навои, пока бархат истлеет,
Вот нищих одежда, — будь рад ей, крепись!

Терпи, мое сердце, любовь к лунобровой забудь.
Она недоступна, и ты о суровой забудь.
Решила она: отречение — доброе дело.
О ней, равнодушной, ни звука, ни слова — забудь.
Опять это солнце горит, согревая другого.
Другое светило огнем обожжет мою грудь.
Не трачу я сердце для блага неверных красавиц.
К чему ради них убиваться, уйдут — не вернуть.
О пери, я мучусь, но ты не тревожься напрасно,
За новой удачей отправься в заманчивый путь.
Я облако, свежим дождем оросившее розу.
К иссякшему облаку роза не хочет прильнуть.
Вселенная — сад, где любовь не цветет и не зреет,
Звучи, мое слово, и горестной истиной будь.
Меня твои губы дарили и медом и ядом.
Отрава и сладость — любви сокровенная суть.
Уйди, Навои, твоя милая любит другого.
Глотая кровавые слезы, забвенья добудь.

Любовь моя, чужой ты сделалась в итоге.
Вся боль моя, смешной ты сделалась в итоге.
Ты, сердце, мудрым слывшее, — в слезах,
И жалким дуваной ты сделалось в итоге.
Алмазы редких слез, рассыпанные мной,
Для птиц молвы крупой вы сделались в итоге.

Резное здание, что я воздвиг в душе,
Руиной нежилой ты сделалось в итоге.
Сжигала страсть равно Меджнуна и Лейли,
Но в том костре золой он сделался в итоге!
Зря перед идолом так был я в вере тверд,
Рабом струи хмельной не сделался в итоге...
Подайте ж чашу мне, чтоб терпкое вино
Отрадою одной мне сделалось в итоге!
Ты Навои клялась, что в нем твоя душа,
Так что с твоей душой ты сделала в итоге?

РЕДКОСТИ ЮНОСТИ

39

Красота твоя восходит, словно солнце, надо мной,
Блещешь ты — и каждый атом ощутим,

как свет дневной.

Бледных сумерек истома — это мгла волос твоих.
Лик твой бел — и зори утра светят дивной белизной.
Что достойно отражаться в зеркалах твоих очей?
В них сверкает устремленье, отражен весь

мир земной.

Ночь настанет, и влюбленный оглашает воплем мир
В час, когда сияет небо, озаренное луной.
Во вселенной кто найдется, чтоб твою

принять любовь?

Только я! Пусть я безумец, — не дерзнет никто иной.
Кто сказал мне: «Эй, влюбленный,

ты и любишь и любим»?

Ревность — знак неистребимый,

эта страсть — клинок стальной.

Между мыслью и словами нет единства, Навои,
Если ты язык свой в жертву не принес любви одной.

40

Лик твой, зеркалом сверкая, в мир бросает

сто лучей.

Даже солнца свет слепящий превзойден

красой твоей.

В жажде жизни дышит солнце ветром улицы твоей —
Ведь в дыхании Мессии излечение всех скорбей.
Из предельного рождаясь, входит в вечность бытие,
И начала нет у жизни, и конца не видно ей.
Образ твой — свеча и роза, с мотыльком и соловьем:
Мотылька свеча сжигает, розой ранен соловей.
Есть в Лейли, в Ширин твой облик:

без Ширин погиб Фархад,
Потерял Меджнун рассудок от любви к Лейли своей.
В этих именах явила ты любовь и красоту,
Стала ты хирманом муки и грозой для страстей.
Только тот тебя достоин, кто пройдет пустыню «я»,
Ибо — кто взыскует жизни, смысл найти
обязан в ней.

Говорить о нуждах сердца моего мне нужды нет, —
Что в стране сердец таится, мыслью видишь ты своей.
Ливнем милости пролейся в сад засохший Навои:
Роза в нем не распустилась и не свищет соловей.

41

Любя тебя, без сердца сонм благочестивых стал,
Добро пожаловать, пророк, — душа моя чиста.
С твоей державной головы не сходят облака,
А ветер за твоим конем погнался и отстал.
Кто не провел с тобою ночь, тот в горе, а заря
Одежду рвет, лишь только луч,
луч солнца заблистал.
Я стал бы прахом, лишь порог мне твой поцеловать;

О, сжался, сделай для меня, чтоб миг такой настал.
Вельможа знатный — только пес дворовый для того,
Кто у порога твоего сам к своре псов пристал.
Не оказали б помощь мне пять путников в плащах —
Не создал «Пятерицы» б я, моей души кристалл.
О Навои, кто облегчит страдания твои,
Как не избранника небес чудесные уста.

42

Кто в любви бывал несчастен и страдания узнал,
Знает: то несчастье — благо.

Не напрасно он страдал.

О любовь! Чиста, как жемчуг, даже пыль с ее дорог.
Яркий блеск светил небесных рядом

с нею бледен стал.

Тот, кто пил из грубой чаши чистое вино любви,
Чашу знатную Джемшида никогда не выбирал.
Хоть любовь царит и красит все небесные дворцы,
Кто влюблен, одежд богатых никогда не надевал.
Кто однажды был пронизан ярким пламенем любви,
Тот в халате златотканом от мгновенной

вспышки стал.

От огня ее святого, как от молнии небес,
Гибли троны и короны. Ветер пепел раздувал.
Пусть корона золотая. Для чего тебе она,
Если ты, в любви сгорая, в этом мире дымом стал?
И короной, и богатством станет искорка ее.
Пусть она спалит мне сердце. Разве жребий этот мал?

Когда о друге мне гонец рассказ свой поведет,
Я выслушаю и скажу — пусть вновь рассказ начнет.
Безумец я, порой — в уме, порою — без ума
Внемлю вестям любим о ней, об ангеле высот.
О сердце, камень пред тобой становится водой!
Так что ж до сердца красоты твой пламень не дойдет?
Душа изнемогла от ран, — что ж недоволен ты,
Коль рана новая в груди дирхемом ей блеснет?
Прославлен мученик Меджнун, а обо мне рассказ
Забвенью в жертву обречен, с рассказчиком умрет.
Печаль ведет против меня несметные войска;
Дай чашу, старец майханы, — защиту и оплот.
О Навои, в долине бед скитальцу доли нет,
Что жалобой тревожит мир на сто своих забот.

У тебя халат зеленый, пуговицы золотые.
Стан твой, словно куст прекрасный
 с лепестками молодыми.
Золотистый, как шиповник,
 твой халат тебя скрывает.
Что в халате тайно дышит? Не цветок ли?
 Не плоды ли?
Что за стан, о бог всевышний!
 Куст ли райский в том халате?
Что в нем скрылось цветом в розу?
 Тайна радости? Беды ли?

Этот лик воды прозрачной.

Волны — суть морщины гнева.

Синих родинок свечение — словно лилии поплыли.

Улица твоя — цветник. Чудо. Нет в раю такого,

Чтобы роза с гиацинтом на одном побеге были.

Коль меня туда допустят, может, легче станет сердцу.

Может, станут доброй вестью тех садов цветы святые.

Хватит мучиться и хватит тосковать

в молельне мрачной.

Ждет меня кабак веселый, чаши, солнцем залитые.

По душе кабатчик честный и по мне веселый кравчий.

Тот, кто любит веселиться, в жизни

сердцем не остынет.

И не странно, Навои, что стихи твои прекрасны.

О стихи, слезами глаз, кровью сердца налитые!

48

Ах, буду жить, не буду жить — нет

никакого дела ей,

Как до пылинки дела нет светилу лучезарных дней.

Перед ручьем моих очей настолько жалок океан,

Насколько жалок перед ним пересыхающий ручей.

Пусть рана от свиданья с ней, как пламень

адский, горяча,

Но после стольких ран — разлук —

цветка багряного свежей.

О правоверные, доколь нам от неверной

боль сносить?

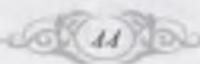
Сегодня от любви к одной страдают тысячи людей!
И вправду обезумел раб: тому, кто истязал его,
Спешит лохмотья показать, рубцы от яростных
плетей.
Как весел духом тот бедняк, что кладом знаний
овладел,
Ведь все сокровища земли сокровищ знания бедней.
О Навои, всю жизнь свою пожертвуй ради ветерка,
Чтоб весть о нищем он донес к стопам
владычицы твоей!

49

Твоей неверностью, увы, терзаюсь постоянно,
Верна другому ты — увы, терзаюсь постоянно.
Кому — то верности обет, а мне одни мученья.
Я не желаю знать других. О будь же постоянна!
Ты казнь пообещала мне, но я окреп внезапно,
Целительней твои слова иных стихов корана.
То — солнце ль твоего лица, а это — тень от стана,
Волос ли, павших до земли, струя благоуханна?
И утонченный бы не смог понять твои реченья:
Остроты, колкости и смех звучат весьма туманно.
Дела мирские — ночи тьма, вино — источник света.
Слей, кравчий, муть и напои из чистого стакана.
Отнимет душу, Навои, любимая — не сетуй,
Благодари за то, что ей одна душа желанна.

Я отвел глаза от милой, — боль тревог
 Возгордился — и кровавых слез поток —
 Возмездье мне,
 Возмездье мне.
 Я не знал в безумном сердце единенью с ней цены,
 И за это уготовил мудрый рок возмездье мне.
 Я забыл, что сад свиданья крепким кровом
 Был моим.
 По степи блуждать без крова, без дорог —
 Возмездье мне.
 Может быть, твоей открытой лаской возгордился я,
 И в разлуке тайной скорби злой ожог —
 Возмездье мне.
 Не карай меня разлукой, лучше на смерть обреки!
 Порази кинжалом гнева! Твой клинок —
 Возмездье мне.
 Можно ли в любви неверность по заслугам наказать?
 Только смерть, что преступленьем я навлек, —
 Возмездье мне.
 Навои в саду свиданья песнь твою не оценил.
 Стон мой, что пребудет ночью одинок, —
 Возмездье мне.

На твое лицо упали кудри, словно пелена, —
 Так завеса темной ночи солнцу ясному дана.

Мне глаза огонь ужалил, слезы потекли из них,
Туча молнией разбита, пролилась дождем она.
Я смотрю на брови милой — вижу сводчатый михраб,
Где была кумирня древле, ныне там мечеть видна.
О кудрях твоих мечтая, водолазом стал мой взгляд!
Погружая сети в воду, жду тебя с морского дна.
Лик твой солнечной рекою, влажной розой назови.
Утонул я в этом лике, пламя — эта глубина.
Пожалей меня, привратник, отвори быстрее мне!
В винном доме дверь закрыта, а душа моя хмельна.
Навои! Пришел учитель — в доме винном
дверь открыл.
Если сердце мертвым стало — пей, упейся допьяна!

52

Черны, как ночь, твои косы, как тополь,
ты вся стройна,
И лик твой звезде подобен, которая так ясна.
В тоске по тебе до неба вознес я мольбу, господь!
Ужели моя молитва не будет тебе слышна?
И губы твои — не диво ль? — как пламя среди воды;
В том пламени — капля пота — как странно
горит она!
Мечта о ней в грустном сердце, и мне оттого печаль;
В душе у ней столько ласки, моя же душа грустна.
Твой пес да сожрет мое сердце,
порвав его на куски, —
Сама себя на терзанье отдать душа не должна.

Чего б ни дала судьба мне — пей чашу!

Ей все равно:

Осудишь меня ты гневно иль будешь со мной нежна.

Живи, Навои! Ведь если б она не звала тебя,

Стремления к ней и горя душа не была б полна!

53

Коль пришла пора цветенья, каждой розе — соловей.

Плачь, птенец больного сердца,

чистой скорби слезы лей.

От любви, подобно розе, это сердце зацвело.

Аромат теряет роза, если я в разлуке с ней.

По единственной любимой стон мой сердце разбудил.

Дуй в бутон, разлуки ветер. Лепестки его рассей.

От любви худой и слабый, я поник у ног твоих.

Предо мной твой стан восходит.

Кипариса он стройней.

Ты становишься колючкой, а не розой соловью.

Воскрешая, убиваешь с каждым разом все верней.

Я любил, страдал и плакал, но отшельником не стал.

Дай вина, кабатчик добрый,

чтоб жилось мне веселей.

Жизнь проходит, словно ветер. Веселись же, Навои.

Ты б достиг всего на свете.

Только ветер — он быстрее.

Она смеялась всякий раз, рванье одежд
на мне увидев.
Слезу прольет ли обо мне, могилу в стороне увидев?
В сосуд печалей и скорбей я превратился на чужбине.
Фархад, Меджнун подавят вздох,
мой прах в чужой стране увидев.
Огонь разлуки душу жег; терпение мое и разум —
Все, все покинуло меня, истлевшим на огне увидев.
Что я в изгнание изнемог и что дышу я через силу,
Возлюбленной не говори, ее в родной стране увидев.
И так был жребий мой жесток и вид мой был
настолько жалок,
Что и собаки от меня держались в стороне, увидев.
Лишь ты бы, виночерпий, мог дать
умирающему силы,
Его стремленье — жизнь людей, судьбу познать
вполне — увидев.
Не увлекайся, Навои, цветущими садами мира,
В осеннем листопаде бед свой рок,
а не в весне увидев.

Тело бедное на части вмиг разъяла ты, войдя.
Чтоб похитить Душу, прах мой обыскала ты, войдя.
Долгой жизни, путь счастливый пожелать тебе
хочу —
Не уходишь: сердце в клочья разорвала ты, войдя.

Примируюсь я... Жизнь похитив у меня и у других,
От излишнего страданья избавляла ты, войдя.
Но довольно мучить тело, волочить его в пыли.
Все жестокости пределы преступала ты, войдя.
Сердце, а тебе все мало! Ты стучалось только к ней.
Я крепился — о пощаде умоляло ты, войдя.
О вино, с тобой в разлуке я в отчаянье впадал,
Жажду чашею единой утоляло ты, войдя.
Виночерпия отвага, ты — спасенье Навои:
В мир мечты его, беднягу, провожала ты, войдя.

56

Печаль в душе я долго нес — раздался стон
в конце концов,
Я хлынувшим потоком слез разоблачен
в конце концов.
Я сердца раненого швы от посторонних глаз таил,
Но кровь из глаз видна, увы, со всех сторон
в конце концов.
Мечом разлуки рану в грудь ты нанесла, и воротник
Людей не может обмануть — разорван он
в конце концов.
Лишь тайна вылезла на свет — всем ясно стало
и без слов:
Огнем любви мне тяжкий вред был причинен
в конце концов.
На гнев возлюбленной моей язык восторженно
молчал.
Увы, из-за разлуки с ней я посрамлен в конце концов.

Вероотступница — мой враг? Ответствуй мне,
законовед.
Я из-за кос ее в кабаk был приведен
в конце концов.
Мое безумство — град камней на тело голое мое.
Позор! Тем более, что с ней я разлучен
в конце концов.
Мир не видал еще, чтоб тень была от молодых
ростков,
Чтоб ими сад в палящий день был затенен
в конце концов.
Ты, Навои, с ней жаждешь встреч,
чтоб вечный обрести покой.
Но надо в вечность втечь, чтоб он был обретен
в конце концов.

57

Не рубин твои алые губы, о нет, не рубин,
А живая вода для глубокой, горячей любви.
Я целую их, пью без отрыва, я пью, как шербет;
Растекается трепетно жаркая влага в крови.
Как сдержать свое сердце при виде такой красоты?
И утес свою стойкость теряет, хоть он не любим.
Почернела от дыма разлука и в сердце стрела,
Я пером ее сделал, о страсти своей затрубив.
В круг красавиц войдешь — и смятенье
мгновенно среди них,
Словно всадник ворвался, дорогу среди них
проложив.

О аскет, кто посмеет сравниться с бесценною, кто?
Ты, взирающий косо на прелесть ее, не груби.
Растревоженной птицею стали глаза Навои,
Толью крылья безжалостный кто-то у ней обрубил.

58

Двух резвых своих газелей, которые нежно спят,
Ты сон развеи поскорее, пусти их резвиться в сад.
Ты держишь зубами косы, пусти их и растрепли —
Пускай разнесут по миру души твоей аромат.
Приди в мой дом утомленной с растрепанною косой,
Покорны тебе все звезды, народы у ног лежат.
Открой ланиты, как солнце! Меня заставляла ты
Лить слезы в разлуке — пусть же при встрече
они горят!
Желанное обретая, от вздохов я пеплом стал,
Учи, как любить, — внимают тебе Меджнун
и Фархад.

Когда сто лет под скалою напрасно ты пролежал,
На синем атласе тело ты вытянуть будешь рад.
Увидев, как горько плачет за чашею Навои,
Подлей ему, виночерпий, забвенья сладчайший яд!

59

Улыбающейся розе, розе росной расскажи,
Ветер утра, о рыданьях, грациозной, расскажи.
Если я сторю от страсти, ты о верности моей,

Будет случай, в час ли ранний или поздний, —
расскажи.

Что в ее мятежных косах вера жаркая моя,
Ей, красавице-гяурке моей звездной, расскажи.
Целый мир принес ей в жертву,

заодно земную жизнь, —
Ей, что лучше всей вселенной, грандиозной,
расскажи.

Сотни жизней я бы отдал и не стал бы сожалеть, —
Ей, свиданьем пренебрегшей, безголосно расскажи.
Что на тьму прелестниц юных я бы даже
не взглянул,

А она нужна для жизни мне, как воздух, —
расскажи.

Если ж я, порвав свой ворот,
в злых страданиях умру,
Будут думать: от любовных женских козней, —
расскажи.

Что не вечна, преходяща красота и яркость роз,
Ей, в своем упрямстве стойкой, длиннокозой,
расскажи.

Соловья нигде не сыщешь, чтобы пел, как Навои, —
Расскажи шахине милой и несносной, расскажи!

60

Пожаром тело охватив, любовный запылал огонь.
В душе сверкает у меня, как драгоценный лал, огонь.
Сердца народа зажигать дано подобному огню,
Так почему в моих устах ничтожен так и мал огонь?

Я немощен, я нездоров, когда в разлуке я с тобой.
Не тело ли опустошил, не душу ли украл огонь?
Твоими стрелами сражен, пылаю, как сухой камыш.
Я от ударов этих стрел захохал, застонал: «Огонь»!
Любовью можно ли назвать причину
этих страшных мук,
Когда мне сердце опалил, сжигать мне кости
стал огонь.
Эй, виночерпий! Дай вина! В наш злой,
несправедливый век
Вином залью я, как водой, — чтоб мучить
перестал — огонь.
Сверкнула молния и вот всего тебя, о Навои! —
Безвестный, слабый человек — накрыл
палящий вал — огонь.

61

Враг пожалеет иногда, но не разделит горе друг.
Едва надвинется беда — тебя покинет вскоре друг.
О сердце! Дружбы не ищи.
С врагами сладить я могу,
Но лишь страдание несет на жизненном
просторе друг.
Когда мне душу ранил враг, случалось, я его прощал.
И я прощал, когда терзал кинжальной болью
в ссоре друг.
Когда ночами я не спал, будил мой стон,
подчас, врага,

Но в безмятежном, сладком сне встречал
со мною зори друг.
Когда я, мучась, умирал — казался
дружелюбным враг.
А друг? Враждебности не скрыл в своем
холодном взоре друг.
Пускай хулят меня враги — от них иного я не жду.
Но тот, кому я отдал жизнь, — он тоже в этом
хоре — друг.
Коварен рок: ты счастлив был, но вот уже идешь
ко дну.
К тебе на помощь не плывет в житейском
бурном море друг.
Эй, виночерпий! Другом будь — налей вина!
Врагов не счесть.
Но есть у всех такой, как ты, в кабацком
разговоре друг!
Уже завыли псы кругом, как будто умер Навои,
Друзей-приятелей моих я вижу в этой своре, друг.

62

Осрамился я — но пьяный сок земной тому
причиной.
Пью вино, но несравненной стан прямой тому
причиной.
Если друга мучит пери, не она, а он виновен.
Коль в шального камень кинут,
сам шальной тому причиной.

Если кто от скорби сохнет, небо в том не виновато,
Но, что скорбь в скорбящем чует дух родной,
тому причиной.
Я ношусь бездомным вихрем по земле,
но то не диво, —
Значит, сам пылю я небо, ропот мой тому причиной.
Про луну лепечет глупый, привораживая пери, —
Люди верят в заклинанья: ум пустой тому причиной.
Жизнь дарующий убийца! Я умру, в том нет позора.
Если смерть милей мне жизни, холод твой тому
причиной.
Хоть тебя я проклиная, льешь ты кровь мою жестоко,
Проклинающий отступник сам собой тому причиной.
Навои, вина не пьешь ты, ждет напрасно
виночерпий, —
Образ грозный, голос нежный — роковой тому
причиной.

63

Нищ владыка предо мною, как и я перед тобой, —
Точно так же, как пред ханом попрошайка
нищ любой.
Только я не бью поклоны, не склоняю головы,
Если даже небо троним вдруг предстанет предо мной.
Губ рубиновых свеченье стало пагубой моей.
Ты огнем их, жгучим, ярким, душу сделала рабой.
Боль разлуки исцеляет только яд, забвенья яд,
Предписал терпенья лекарь мне от боли и покой.

Кто из вас прекрасней ликом, спор затеяла луна,
Надавало злых пощечин солнце ей за спор такой.
Ты, всевышний, отдал царство сердца
жаркого — любви,
Знай, что данью будет вера вместе с бедной головой.
Изучать стремится пери лиру только Навои,
Не дивись, — она от страсти расцвела,
как сад земной.

64

Нет! Не нарциссы те глаза! Нарциссы разве палачи?
Людей разят ее глаза быстрей, чем острые мечи,
О пери! Косы на заре от ветра приколола ты,
И я в смятении гляжу на усмиренные бичи.
Нет, не бичи, — две цепи мне — две черные
твои косы.
Пускай на землю упадут! Скорее косы размечи!
Пропитанный водою слез, вдруг запылал
от страсти я.
Ах! То не молния ль зажгла сырое дерево в ночи?
Рычаньем небо разодрав, явился лев, —
дрожи, лиса!
Пришла, сжигая землю, страсть, — о разум
хитрый, замолчи!
Заря! В саду моих очей ты пальму стройную взлелей!
Осыпь цветами тело ей, рососою косы омочи!
Возлюбленная, покажись изголодавшимся глазам,
Румяным яблоком лица мой давний голод облегчи!

Плоть побеждая, Навои, плотину страсти подними!
Да хлынут в душу без преград печали светлые
ключи!

65

Скрыть слезы страсти я не мог —
а ты навстречу не пошла.
Я от страданий изнемог — а ты навстречу не пошла.
Своей улыбки ни одной не подарила даже мне.
Меня огонь разлуки жег — а ты навстречу не пошла.
Весь мир смутила скорбь моя —
не взволновалась только ты.
Как вихрь, гремел мой каждый вздох —
а ты навстречу не пошла.
Приносит счастье голос твой,
рассказывают люди мне.
Его не слышу. Я оглох? Ко мне навстречу не пошла.
Неразделенная любовь! Что в жизни
может быть страшней!
Я сердце запер на замок — ты мне навстречу
не пошла.
Весь век трудиться суждено, а вот любви
в награду нет.
Несправедливый, страшный рок — ты мне
навстречу не пошла.
Владычица! Мотив «наво» не пела ты для Навои.
Я с песней лег на твой порог, а ты навстречу
не пошла.

Печален я, о кравчий, наклонись, подай мне чашу.
 Пусть велика — наполнить не ленись,
 подай мне чашу.

Все отказались от нее, бессильны столько выпить,
 Долей, не опасаясь я за жизнь, подай мне чашу.

Одной той чаши мало мне, щемит разлука душу,
 Хочу тоску вином залить, крепись, подай мне чашу.
 Хотя бы миг не буду пьян — меня погубит горе.

О, ради бога, пожалей, смирись, подай мне чашу.

Удастся свидеться мне с той, чей каждый взгляд,
 как праздник, —

Будь добр и для нее не поскупись, подай мне чашу.

А если опьянеем мы, оставь меня с любимой;

Пусть все уйдут, лишь ты не удались,

подай мне чашу.

Когда мы в круге выпивох, нам пир трудней

покинуть;

О набожный, долить распорядись, подай мне чашу.

Нарушил кравчий мой обет отшельника сегодня,

Пускай упьется Навои, садись, подай мне чашу.

Он любить мне запрещает, простодушный,
 кроткий шейх!

Э, какой там кроткий! — Дурень!

Мерзкий пес в чесотке, шейх!

Что в вине твоём соринки, если даже коврик свой

После омовенья стелет в луже посередке шейх!

Яркий свет ума и веры разве может излучать
В заблуждениях погрязший разум твой
короткий, шейх?

В море лжи и лицемерья, духом алчности гоним,
Посохом-веслом махая, плавает, как в лодке, шейх.
Сеть обмана расстилает для доверчивых людей,
Сделав зернами приманки погремушки-четки, шейх.
В ярости — он хищник дикий, похотью —

как грубый скот,
Хоть и кажется двуногим по прямой походке шейх.
На людей похожим станет разве только в кабачке,
Коль вином из чаши брэнной пополощет
в глотке шейх!

Если среди твоих собратьев я бы честного нашел,
Стал ему б рабом навеки, радуясь находке, шейх!
Ты себя считаешь мужем, а наряд твой так цветист,
Что под стать лишь пестрой птице или глупой тетке,
шейх.

Простодушна юность в дружбе,
к ней стремится Навои,
Не беда, что дружбу тоже запрещает кроткий шейх!

68

Видя пылкость мою, все Меджнуна народ
вспоминает,
Кто Меджнуна увидит — меня целый год
вспоминает.
Еще больше печаль в час ночной от разлуки
щемящей,

Если память тебя, чья краса в ней поет, вспоминает.
Разрывают мне сердце любовные слезы восторга,
Когда память вино твоих губ и их мед вспоминает.
Что мне вечнозеленый самшит и краса кипариса,
Если сердце лишь стройного стана полет вспоминает.
Кто услышит из губ, из рубиновых губ только слово,
Тот не жемчуг пучины морской,

а твой рот вспоминает.

Кто пригубит вина из рубиновых губ хоть однажды,
Тот вращенье земли, голубой небосвод вспоминает.
Если мне не уйти от того, что начертано роком,
Пусть любой не добром и меня и мой род вспоминает.
Попрощались друзья, в Бухару и Багдад

направляясь,

Слез потоки мой друг, что я лил у ворот, вспоминает.
Пострадал Навои, ввергнут пери в пустыню безумья,
И забыла совсем, а душа моя гнет вспоминает.

69

Ты, аскет, нам обещаешь гурий, сад,
источник райский,
Ну, а мне — кабак при жизни, да ее вино и ласки.
Это сердце так склонилось пред ее высокой бровью,
Как в темнеющем михрабе пьяный клонится
напрасно.

Сердце, сердце! Что запретным я считал
для всех влюбленных,
Все моим отныне стало. Это больно и прекрасно.

Я — есть я. Но как поступят сыновья
почтенных магов,
Если в капище найдется хоть один, как я,
несчастный?
Обездоленный сию я в кабаке с простою чашей.
Позавидует, увидев этот рай, Джемшид всевластный.
Лишь Фархад меня жалел бы и Меджнун —
душа живая,
Увидав, как я страдаю ежедневно, ежечасно.
Навои, забудь про верность. Сей товар
на нашем рынке
Не сыскать ни лунной ночью, ни в жару,
ни в день ненастный.

70

Беда тебе, коль беды отзвучали.
Печаль безмерна, если нет печали.
Кто ищет горя, горя не находит.
Но счастлив, кто найдет его случайно.
Приятен шаг навстречу каждой скорби.
И прежние волнуют, как вначале.
Веселых много, а печальных мало.
Обычно это и... необычайно.
Любви печаль, ты для меня ничтожна.
Печаль эпохи всех людей венчает.
Блажен и прав вовеки тот кутила,
Что сильных мира он не величает.
Садясь на землю, как на трон Джемшида,
Он пьет, как царь, того не замечая.

Пускай у шейха чаши не получишь,
Кабатчик тебя с радостью встречает.
Пьет Навои вино из рук резвуньи,
В неверии его — пусть обвиняют!

71

Как красота твоя светла, светла любовь моя.
Так не сиять в ночи свече, мерцая и горя.
Твои неверные глаза меня забыть хотят.
Но, красотой опьянен, забыл об этом я.
Прочь, радость. Дайте мне печаль и скорбь
разлуки с ней,
Чтоб в одиночестве моем утешили меня.
Лекарствами — сердечных ран вовек не заживить.
Лишь мысли о губах твоих — целебная струя.
И невозможно мне забыть всю красоту твою,
Пока живу я на земле, вкус губ твоих храня.
Я проливаю много слез от скорби и любви.
И тело высохло мое. И нет мне забытья.
Пропало сердце. Не хочу его я возвращать.
За что безумцу Навои дана любви заря?
Ах, пей вино, расстанься с той неверной, как она
Рассталась с верностью своей, коварства не тая.
Ты в сердце разожги любовь вином, чтоб не остыть,
Чтоб не погасла меж людей вовек душа твоя.

Злую ночь моих страданий режут молнии бедой
И огнем все время пышет змей — тревога над душой.
Степь разлуки! Как пройти мне?

Ведь за каждым здесь шипом
Мне в израненные ноги шип вонзается другой.
Для чего ты крепкой сетью страсть опутала мою?
Каждый вздох мой разрывает то, что стянуто петлей.
О моей болезни хочешь ты расспрашивать, как врач?
Разве сам я понимаю, что случилось вдруг со мной?
Так мучительно страдаю я среди долин и гор,
Что Фархаду и Меджнуну непонятен жребий мой.
Так черна мне ночь разлуки, что не могут озарить
Эти огненные вздохи тьмой нависший свод ночной.
О Беспечная, о Горе, что поймешь ты из письма?
Ведь горит его бумага под пером тоски такой!
Виночерпий, брось расспросы, выше чашу подними;
Повествуя о разлуке, я рассказ не кончу свой.
Навои, ища покоя, опускайся в погребок,
Драгоценный камень жизни ты найдешь лишь
под землей.

В эту ночь в мечте бессонной предо мною локон твой,
До зари, тоскуя, тело извивается змеей.
Пред твоим порогом ночью с хилым псом я сон делю,
Он мне служит изголовьем, рядом он лежит со мной.
Берегись пыланья сердца! Пламя вдоха моего

Крылья ангелам сжигает, как огонь грозы ночной.
Если вам о сне в разлуке, о дыхании огня
Расскажу я — то нарушит даже мертвый свой покой.
Унижение тех, кто любит, удивлять нас не должно —
И драконы пресмыкаться так же учатся порой.
Ликом огненным сверкая, не сжигай нас —
ведь свеча,
Сотни мотыльков сжигая, и фитиль сжигает свой.
Девы стройные трепещут, слыша вздохи Навои.
От дыханья ветра тополь стройной клонится главой.

74

Разлуки с тобой горячка в груди поднялась костром,
Врач, взявший мое запястье, и сам поражен огнем.
Но это не пламя солнца — печаль по луне души;
Судьба проливает слезы, о горе грустя моем.
Жалеть ли о том, что, плача, я выплачу и глаза, —
Они и так потемнели в бессонном горе своем.
В терзаниях каждой ночи я вздохи к небу несу, —
Немало от них созвездий во мраке зажглось ночном.
Ты скажешь: вот выюк разлуки — тащи его на спине,
Ты жалкую хочешь щепку Кавказским давить
хребтом?
Снимайся скорей с привала — ведь каждую
ночь сюда
Приходит людей немало, но больше уйдет потом.
Увы, Навои о встрече известий не получил,
Хотя он и шлет посланья, тоскою любви влеком.

75

Начертан в чертоге сердца твой образ
в горестный миг,
И цвет его не померкнет от дыма вздохов моих.
На круглом твоём подбородке родинка —
словно индус,
Который в магическом круге среди молитвы затих.
Рука судьбы замешала тебя на живой воде,
Коснулся тебя Мессия дыханьем уст неземных.
В мое пробитое сердце кто б камень
ни бросил — пусть,
Быть может, отстроить сердце смогу из камней таких.
Еще вина, виночерпий! Я упаду — и меня
Не отыскать мухтасибу, хоть он и зорок и лих.
Я, Навои, этой ночью тебя во сне целовал.
Дай толкованье виденью, пропой мне
сладостный стих.

76

Ты стройна и грациозна, словно деревце в раю.
Чистоты источник райский, из которого я пью.
Язычок твой, как бутона лепесток в росе зубов.
А рубиновые губы душу в плен берут мою.
Запах свежий гиацинта расплескался для нее,
Эти локоны овеял, что навеки я люблю.
Как бы солнце ни светило, я на солнце не гляжу.
Родинка, что пахнет амброй, ярче солнц в моем краю.
Нить души связалась в узел — не развяжет и стрела.

Но любой стрелы острее те ресницы, что пою.
Сердца кровь, ты стать желаешь хною на стопах ее.
Сердце, сердце, эти слезы превратились в кровь твою.
Навои, коль ты желаешь зло эпохи позабыть,
В степь иди. Броди по свету, не кляня свою стезю.

77

Та печаль о тебе, что сжигает меня, у кого еще есть?
Боль разлуки с тобой горячее огня у кого еще есть?
Поле радости сжег, точно злой суховей,
мой беспомощный стон.
Эти слезы, что горше мне день ото дня,
у кого еще есть?
Ты не очень гордись, что прекрасней лица
не имеет никто.
А любовь, что светла и чиста, как моя,
у кого еще есть?
Счастье в лунный дворец твой не может
впустить дым стенаний моих,
А аркан, что запутал меня, как коня,
у кого еще есть?
Продаешь ты свиданья за раны,
что жгут мое сердце в ночи.
Столько горьких монет, что собрал я, кляня,
у кого еще есть?
Я ль безгрешен! Но что же мне делать с собой,
о приятель, скажи.
Страсть моя, что сгибает и губит меня,
у кого еще есть?

Пусть иные считают грехи Навои и корят, и винят.
То богатство души, где властитель лишь я,
у кого еще есть?

78

Еженощно зажигаю я свечу взамен луны,
Мне сочувственные вздохи в треске фитиля слышны.
Сердце растает с телом, только не пойдет к тебе,
Только горе и заботы в спутники ему даны.
А луне, отнявшей сердце, пребывающей в шатре,
И не диво, что с душою мы измучены, больны.
Сердцу было бы приятно, что она его взяла,
Всем, что радует подругу, радоваться мы вольны.
И колодец униженья к возвышению ведет,
Путь царя на трон Египта от тюремной шел стены.
Навои, любви сокрытой явной сделаться пора —
Пусть прорвутся вопли сердца из-за тайной пелены.

79

Что пылает, что сверкает под лазурными бровями?
То ли это звезды в небе, что в ночи горят над нами?
То ли это веет амброй, если я вздохну влюбленно?
То ли это ранним утром легкий ветер над полями?
То ли капельками пота все лицо твое искрит?
То ль оно по людям плачет, что в любви
к нему увяли?
От парчи ли золотистой на лице ее закаты?

То ль сердца сгорают чьи-то, отражаясь
в нем огнями?

Ах, по мне ли плачут звезды,
предвещая час разлуки?

Ах, кого она с усмешкой покидает? Не меня ли?

Это сердце рая хочет. Твоему не надо рая.

Неужель за кем-то бродишь, на него меня меняя?

Навои себя утратил. Пожелтел. Как лук, согнулся.

Что пылает, что сверкает под лазурными бровями?

80

Душа без любимой сгорела. Я полон печали.

Кровь стала водою, а слезы — что кровь пред очами.

Тоскую и плачу я, губы твои вспоминая.

И градом жемчужным я слезы роняю ночами.

И лишь потому, что в слезах мое сердце чернеет,

Два зеркала черных в глазах моих горе качает.

Две тени от раны в безумном потерянном сердце.

Оно — словно раб перед нею в покорном молчаньи.

Когда предо мною лицо ее вспыхнет, я слепну,

Как будто бы солнце глаза мои хлещет лучами.

Лечи, виночерпий, от скорби веселою чашей.

Вовеки вино — это яд для тоски и печали.

Ты сердце взяла Навои, покорила и — в пламя.

Ты — светлое сердце. Но так ли победу венчают?

Луны, как лицо твое, — нет. Деревя, станом
стройней, нет и не будет.
Чудо? Ведь даже плодов, губ твоих алых
нежней, нет и не будет.
Слез моих быстрый поток льется и льется
в ночи все безутешней.
Лунная песня зрачков. Сна, что стремится
по ней, нет и не будет.
Имя слышав ее, я безрассуден и нем,
глуп и растерян.
Душу любовь забрала. В мире беды тяжелей нет
и не будет.
Врач, что явился ко мне и о здоровье спросил,
ты ль мне поможешь?
Знай, что пропала душа. Канула. Даже вестей
нет и не будет.
Много ли, мало ли слез, пусть озаряют твой
путь всюду и вечно.
Сердце — собаке твоей! Корма на свете верней
нет и не будет
Знаю — тому, кто взрастил верности чудный
цветок, — море страданий,
Море печали дано. Что же до радостных
дней — нет и не будет.
Люди, увидев, что стал твой Навои, словно тень,
тощий и слабый,
Спросят: — А где же поэт? Слов этих кратких
больней нет и не будет.

От нежных слез моей любви сырым песком окажется.
Не удивляйся, если стан сутул мой от любви,
Взвали-ка груз на небосвод — и он таков окажется.
Луноподобную избрав, не ведал Навои,
Что от любви скитальцем он и бедняком окажется.

84

Нет моей душе от сердца, нет и сердцу
от души вести.
Нет от той, кто надо мною стать владычицей
спешит, — вести.
Опьяневшей озорнице, пригубившей крепость
чувства,
Нет от жаждущего пылко нежных ласк твоих
в тиши — вести.
Нет тебе, о проповедник, расписавший пекло ада,
Об огне разлуки жгучем, что она с людьми
вершит, — вести.
Окрыляющими были все слова гонца от милой,
Но покой меня покинул, хоть и были хороши вести.
От любви я стал безумным, боль и та мне
не доставит,
Если кто из ран горючих стрелы вытащить
решит, — вести.
Дай вином упиться, кравчий, чтоб не слышать
до могилы,
Как во зле и притеснениях этот век достиг
вершин, — вести.
Положись на милость шаха, Навои, не беспокойся,
Как ни злы из Хорасана, ни печальны из глуши вести!

С той поры, как темный локон крепким
стянут был узлом,
Связаны узлом все кости в теле слабнущем моем.
Что мне облака над морем? Ведь от вздохов и от слов
Есть среди долин озера, тучи в небе голубом.
Нет сомненья, озаришь ты мрак жилища моего,
Если ты, луна, узнаешь, как в тоске мой темен дом.
Посмотри на всех влюбленных,
так страдающих в ночи!
О, какие ураганы дышат в сумраке ночном!
Расстаются с головою, душу тратят каждый день...
У детей твоей печали это мы игрой зовем.
Худобы моей, отшельник, никогда не порицай, —
Мы терпения рукою на плаще заплаты шьем.
Навои сидит среди пьяниц, и душе его легко;
Ты прислушайся, советчик, как сейчас шумят кругом.

Пока я жив, в моей душе любовь всегда окажется,
Таящейся, как жизнь во мне, она тогда окажется.
Пока живу я, как росток, обрызганный росой,
Ларцом любви душа моя, чтоб я страдал, окажется.
А рана боли и любви и в мой предсмертный час
Приметой жизни для меня, не без вреда, окажется.
Разлука превратила в ночь страданий свет зари,
Открой завесу, небосвод — кровавой даль окажется.

Я оживаю, видя вздох и трепет губ твоих,
Я прикоснусь к ним — в них беда, моя беда,
окажется.
Пиши сказанье, небосвод, дымком от свеч любви,
Пусть украшеньем книг твоих он навсегда окажется.
Не говорите: до какой поры страдать душе,
Коль птица-девушка жива, как без гнезда окажется?
О, если капельки росы закроют розе слух,
Как ни старайся соловей, — напрасной дань окажется.
О Навои, стенаний дым, как лесенка до звезд,
Пройти к твоей луне по ней легко туда окажется.

ДИКОВИНЫ СРЕДНЕГО ВОЗРАСТА

87

Лицо твое — как лик весны,
любовь внушает утру он;
В нем роза ищет лепестки,
а соловьи — мелодий звон.
Туба и лотос почему на улице твоей растут?
Слеза влюбленных поит их, их овекает жалоб стон!
С тобой разлука — худший яд, лекарства сам
Иса не даст,
Свидания напиток дай — несчастный будет исцелен.
Владычица судеб! К тебе мой иск: о полюби меня!
Ведь право подтвердит мое тоска, которой я согбен...
Творил я только для тебя и одобренья заслужил.
Коль принятое возвратишь, я буду в горе погружен.
Отшельник! Мысля об одном, ты думы прочие оставь,
Один блуждай в своей глуши — иль бранным
миром ты прельщен?
Не говори, что Навои влюблен в красавиц без ума —
А образ суеты в твоей душе давно ли истреблен?

88

Словно зеркало, сияет лик твой людям разных стран,
В красоте его — вселенной совершенства образ дан.
Если нет нам упоенья от шербета уст твоих,
То и сам источник жизни для души один обман.

Почему весь мир пылает от огня твоих очей,
А Иосиф красотой не смущает Ханаан?
Если б ты не озарила Моисея, как могли б
Белоснежными стать ризы мудреца в семье Имран?
Не подуй над этим миром ветер милости твоей —
Соловей в саду не пел бы розы той, чей цвет багрян.
И когда б благоуханий нежный сад твой не дарил,
Весь ковер существования был бы лишь
из грусти ткан.
В море милости, всевышний, брось безумца Навои,
Потому что в море винном он грехом и хмелем пьян.

89

Жива владычица моя, жива, злой жребий мой,
Клянусь аллахом, только смерть дарует мне покой.
С любимым всякое вино — есть радость для тебя,
Но: «Где беглец, любимый мной?», —
не сказано тобой.
Какое счастье быть с тобой! Но нет его, увы!..
Лишь бросив взгляд издалека, доволен я судьбой.
Ты говоришь: «Моя стрела — бальзам
для ран любых»,
Хвала аллаху, болен вновь мой волосок любой.
Я весь в слезах, покинут я, взгляни на небосвод,
Сверкает милая моя там яркою звездой.
Я встречи жду, приди скорей; терпение мое,
Как камень в склянке; грустно мне и тяжело
мне порой.

Напрасно шепчет мне душа:
«С коварной обручись!» —
Одну такую я уже привел к себе домой.
О Навои, коль знал бы ты, какой это огонь,
Не допустил бы ты его в душе чинить разбой.

90

Притесненья твои для меня, как губительный рок,
Суть их двойственна: это — и гибель,
и райский чертог.
От любви к периликой меня ты, мудрец,
не излечишь:
Я безумен, не волен в себе, словно горный поток.
Слово «дуст» для меня небывалым огнем запылало,
Я Вамыком, Меджнуном, Фархадом
назваться бы мог.
Я в смятеньи, как небо. Ведь столько же ран
в моем сердце,
Сколько звезд угасает, когда заблестает восток.
Пусть врачу мой недуг непонятен, но я умираю.
Жертва умысла я, в нем — смертельной
болезни исток.
«Жизнь подобна прибытку, — ты скажешь, —
а в смерти убыток».
Разве прибыль тебе моя жизнь, как пустой кошелек?
Вечность Необходимого неколебима, как небо,
А Возможное — тень, что бросает ночной огонек.
И в ушах моих песня веселья,
как плач на поминках,

В ханаке этой брэнной бессмертья утрачен залог.
Навои, что он знает о будущем, твой собеседник?
Сад бессмертья — ведь это дверей твоей пери порог!

91

Увы, я умникам смешон, юродивым смешон,
У всех я притча на устах, судьбою сокрушен.
Возлюбленной оставлен я, невмочь терпеть разлуку,
Изжив одну беду, тотчас я новой уstraшен.
Погасит караван костры, но пепел остается:
Остался с язвою в груди я, разума лишен.
Кайма ресниц вокруг очей моих, что плачут вечно, —
Не берег озера она, поросший камышом?
Ты взоров стрелами в душе свой высекаешь образ,
О пери, будто в ней Юсуф Прекрасный отражен...
Пускай умру твоим рабом, я не хочу свободы,
Коль рабства этого клеймом при всех я обожжен.
Ждет встречи с раем наш ханжа, а Навои — с тобою,
Не так ли умный от глупца различьем отрешен?

92

О красавица, тоскую: стан твой стросн, как алиф!
Ты душе подобна в теле средь правителей земли.
Сердце чахнет, точно птица, чье гнездо
из терний свито,
И в него печаль вонзилась наконечником стрелы.
Горе видит: клочья сердца в луже слез
плывут в разлуке,

Но алчность он бы взял твою, — она б ему
годней была.
Твое спасенье — встреча с ней, к чему же
скорбь о нищете!
Добра не будь — не знать бы зла:
цель жизни бы видней была!
Прослыл Меджнуном Навои, но к пери
страстью воспылать —
Безумцев участь: их любовь смешной
с начала дней была!

94

Мой смеющийся соперник и она приснились мне, —
Я заскрежетал зубами, заметался в тишине.
В сладкий миг свиданья с нею о разлуке помню я.
Я рыдаю в миг веселья и безумствую во сне.
Зеркало — ворота рая. Скорбный,
в зеркало гляжу, —
Гурии моей не вижу, нет любимой в глубине.
Не бывает звезд при солнце, солнца нет,
лишь ты взойдешь.
Ты светлей, ты ярче солнца, — от тебя весь мир в огне.
Долго ль мучиться в разлуке и томиться буду я?
Чашу дай, о виночерпий, радость я найду в вине!
Не узнал я в светлых водах отраженья своего,
Слезы лик мой исказили, источили сердце мне.
Навои спешит к любимой, скорбь идет
за ним, как тень, —
Тем чернее тень, чем ярче светит солнце в вышине.

Два рубина смеющихся — скорби моей исцеленье.
 Влага жизни, дыханье Исы — от смертей исцеленье.
 Но увы — влага жизни, дыханье Исы — не бальзам,
 Для того, кому встреча с любимой своей —
 исцеленье.

О мой врач, унеси эту чашу с целебным питьем!
 В чаше близости к ней — мне одно от скорбей
 исцеленье.

«Где бальзам, — говорила подруга, —
 в разлуке моей!»

О, когда б снизошла, как легко было б ей исцеленье.
 В моем сердце больном сто недугов построили дом,
 Черный глаз, чтоб изгнать их,
 ланцеты бровей — исцеленье.

Лик открыла возлюбленная под зуннаром кудрей,
 В свете лика ее для несчастных людей исцеленье.
 Слушай, сердце свое потерявший, больной Навои,
 В ней — похитившей сердце твое,
 только в ней — исцеленье!

Ясный лик моей любимой рукавом ли
 красным скрыт?

Или красной тучкой скрыто солнце светлое ланит?

Розовое покрывало у заката отняла

И вселенную влюбленным той завесою темнит.

То ль бредет в одеждах красных по небу луна моя,

То ль по синему атласу солнце вечный путь вершит?
В розовое облачившись, в сад весь мир преобразив,
Нам дала шипы разлуки, осень темную обид.
Розоликий виночерпий, лей вина без меры нам!
Счета нет шипам печали, сад наш муками повит.
Навои! Кто хочет чести в мире этом, в мире том,
Тот, веселый, чтит пророка, дом его священный чтит.

97

Ах, наполнил мальчик чаши влагой светлою, и вот —
Стонет винная лачуга, покачнулся ветхий свод.
Мальчик наглый — рваный ворот, опоясал
стан зуннар,
В левой — нож, рукою правой чашу
поднял мальчик тот.
Взгляд — убийца — поражает души
кротких мусульман.
Локон — петля — правоверным шею мягко обовьет.
От луча неправой веры сотни отблесков в лице;
Кудри — тьма колец лучистых — губят
праведный народ.
Сел на землю у порога, чашу клонит мальчик-маг,
В землю льет осадок винный, в мертвых влагу
жизни льет.
Вот меня нашел глазами и, смеясь, заговорил, —
Сотни слов сказал мне дивных, много
уежных в них забот:
«Навои! Кому уделом чаша чистого вина,
Тот прекрасное вдыхает, вечное блаженство пьет».

Эти губы — точно розы, на которых нежный мед.

Ими сказанное слово радость слышащим несет.

Милой острые ресницы душу ранили мою, —

И об этом, улыбаясь, мне поведал тонкий рот.

Сердце силой привязал я к сердцу нитями души, —

Уходи скорее, разум, мне не страшен твой уход.

В доме милой не известно, как в разлуке

я томлюсь, —

Что о мрачном аде знает тот, кто там, в раю, живет!

Ведь верблюдицу Медждуна вверг в безумье

плач Лейли,

И араба крепкий повод вряд ли бег такой прервет.

Каждый миг не спотыкайся в кабачке,

о пьяный шейх, —

Ведь тебя его хозяин мудрецом не назовет.

Не печалься, если в сердце только горечь

от людей, —

Своего удела смертный никогда не обойдет.

Навои, перед любимой ты лица не подымай:

Ведь любовь и в униженьи честь и доблесть обретет.

Кто красоты не обретет, любовью тот не насладится,

И право требовать любви в мольбу о ней не

превратится.

И если звонкий соловей, не встретив розы красоты,

Окажется без песни вдруг, — никто тому не удивится.

Огонь достиг моей груди, — как подожжет
он сердце мне,
Пока хоть раз не задрожат ее пушистые ресницы.
Пока с лукавством не шепнет мне горьких
слов медовый рот,
Смогу ли душу ей отдать, чтоб сладкой
горечью упиться?
Ты светоч жизни погаси, тихонько дунув на него,
Раз в этом сердце до сих пор любви
не вспыхнула зарница.
О виночерпий, подмени огнем вина огонь любви!
Пусть обратится в пепел боль, и пусть мечта
пустая длится.
Не диво, если Навои умрет от блеска красоты.
Звезда счастливая взойдет, но поздно:
жизнь не повторится!

100

Я, с тобою разлученный, горестным иду путем.
О несчастье! Чужестранцем стал я в городе родном.
С той поры как я скитаюсь, жалости достоин я,
Если горе суждено мне — что ж,
я с ним давно знаком.
Долго друга в неустанных я скитаниях искал,
Но когда ж смогу сказать я: здесь мой друг
и здесь мой дом?
Сердце грустное не может жизнь в себе остановить,
И друзьям я, и влюбленным словно вовсе не знаком.

Птицу-сердце полонила нежных локонов силком,
 Стали волосы сетями, стала родинка зерном.
 В сердце мне огонь метнула, а сама ушла с другим
 И зажгла отныне сердце мне отчаянья огнем.
 Веру взяв мою, без веры во дворец вошла сама
 И в Хайбар, ислам разрушив, как гроза вошла потом.
 На пиру меня отыщет, яд разлуки мне нальет,
 А свою наполнит чашу сладким радости вином.
 Голубь мой, мое дыханье крылья ангелов сожжет,
 Как же весть о страсти другу отнесешь

ты под крылом?

Виночерпий! Я в разлуке с солнцем, алым, как вино;
 Чашей мне да будет небо — до краев его нальем!
 Брось на улицу с позором имя чести, Навои,
 С честным именем ты все же сам позорным
 шел путем.

Если пьете чашу пира, если весел ваш чертог,
 В память обо мне плесните наземь хоть один глоток.
 Открывая пир, пропойте песню скорби обо мне:
 Прочен дом, в котором прочный камень

в основанье лег.

Разлучен с моей луною, все ищу ее в горах.
 Над горами я, как туча, проливаю слез поток.
 Если б захотела друга повидать моя Ширин,

Как Фархад киркой — ногтями я прорыть
бы гору мог.
Сохраню ли в сердце тайну, среброгрудая моя?
Если меч в хрустальных ножнах — виден
весь его клинок.
Назовет садовник жизни розою твой чудный лик,
Кипарисом — стан твой стройный,
так он тонок и высок.
Губ рубиновых напитка не жалея, о Навои!
Тот, кто пил шербет здоровым, от шербета занемог.

104

Я рванусь, очей истому колдовскую увидав,
Как на привязи собака, лань степную увидав.
Видеть в зеркале спокойно лик ее могу ли я,
Если тень ее увижу и ревную, увидав?
Нежный голубь изумится родинкам твоей щеки,
Будто зерна, будто воду ключевую увидав.
На индийский сахар взглянет — и ликует попугай, —
Я увижу эти губы и тоскую, увидав.
Ты взглянула и смеешься, видя стон в глазах моих, —
Плачу я, твою улыбку неземную увидав.
Чашу винную смогу ли оторвать от губ моих?
Пью — и отраженье милой в ней целую, увидав.
Не кори меня за стоны, — умирает Навои.
Плачешь ты, в печали сердце, гибель злую увидав.

Я горю, но это пламя сердца милой не зажжет.
 Да и кто пред ней раскроет книгу всех моих невзгод?
 Непрестанно жду, стеная: бросишь ли хоть
 Взгляд один
 Ты, неверная, на друга, что теряет мукам счет.
 Проповедник, каждый вздох мой зажигает небеса, —
 И в аду такое пламя души грешников не жжет.
 Спросят, кто я? Ты ответишь: на ристалище бегун.
 Золотой ношу я пояс — бегуну такой почет!
 Я, безумец, обнимаю каждый кипарис в саду...
 Если б стал он сереброгрудым станом,
 Что меня влечет!
 У садовника, приятель, выведай в саду времен:
 Кроме бед, плоды какие нам любви росток дает?
 Навои бродил, как нищий, но подумала ль она:
 «Боже! Мой Меджнун все так же подаяний
 жалких ждет!»

Грудь моя в тоске по розе, пронзена ее шипом.
 Этот шип горит занозой в сердце раненом моем.
 О господь, что тяжелее расставанья двух друзей,
 Если в горький миг разлуки слезы их текут ручьем!
 Что соблазны райских гурий и целительный Ковсер
 Для того, кто встречу с другом отмечал хоть
 раз вином!

В страсти к стану-кипарису я склонился
перед ним, —
Кипарис в саду так часто оплетается вьюнком.
Виночерпий, чашей в душу мне плесни такой огонь,
Чтоб из сердца боль и горе дымом поднялись потом.
Слезы осенью роняю и рыдаю от тоски,
Как весеннею порою в облаках рыдает гром.
Пред забывшими о долге не склоняйся, Навои, —
Кто склонится перед ними, будет поражен стыдом.

107

Небо держит бокал бирюзовый с киноварным
облаком в нем;
Виночерпий! Бокал, словно лотос, подними
с багряным вином!
Коль вращенье небес вызывает затруднения
в жизни у нас —
Кубок небоподобный берем мы и вино
зарецветное пьем!
Если днем от сияния солнца
потемнеет твой ум — не беда:
Ты вином его солнечным ночью освети —
будет все нипочем!
Если хочешь забыть ты о людях,
а они о тебе — нужно пить, —
И все то, что хотели забыть вы,
вмиг подернется забытьём.
Ах, советчик, ведь жизнь проходит —
в наслажденьях ее проведи.

Кто сказал «наслажденья оставьте!» —
не большим отличался умом.
Если, путник, свиданья ты хочешь,
словно чистой холодной воды, —
Охлади себе голову, чтобы не горела желаний огнем.
Только небо зардеет зарею — услаждайся
вином, Навои, —
Коль не ты, кто же небо заставит загореться
багряным огнем!

108

Из глаз улетела дева, — когда б душа догнала!
Когда б из моих предплечий вдруг выросли
два крыла!
Стрела попала мне в сердце, — ты хочешь ее найти?
Пусть тем же путем мне в сердце вторая
войдет стрела.
Когда умру без тебя я, не надо меня судить, —
Меджнун я, и стыд мне в тягость —
уж лучше бы смерть пришла.
Ты хочешь, о виночерпий, к сознанию меня вернуть?
Налей до краев мне чашу забвенья добра и зла.
Глава кабачка! Мне чашу отшельник сейчас разбил;
Разбей меня, чтобы счастья судьба ему не дала.
О сердце! Ты стало прахом, — не все ли тебе равно,
Поднимется пыль с дороги иль ляжет там, где легла.
Фальшивого ты дирхема не стоишь, сердце мое,
Но все ж на базаре чувства душа тебя продала.

Душа Навои — цыганка, чья жизнь несчастий полна.
При виде людей Конграта ей душу печаль зажгла.

109

Когда в тоске заговорю о горе гибельном и злом,
То даже камень задрожит, скорбя о бедствии моем.
Сквозь ночь тоски я сердце нес,
и путь мой озаряла ты;
Светила мне твоя стрела своим железным острием.
Прекрасна ты, и потому моей любви предела нет!
Для беспредельного слова найду ль на языке своем?
Заколыхался призрак твой в пустыне сердца моего, —
Пустыня вся раскалена страданья тягостным лучом.
О том, что путь в любви един, не говори,
о мудрый шейх.
Есть много у любви путей, — преданий много
есть о том.
Хоть кровь течет из глаз твоих, не умирай, о Навои!
Ведь милосердья на земле неисчерпаем водоем.

110

Знак любви на свитке сердца вечностью запечатлен,
Прочее — скрижаль забвенья, прочее все —
прах и тлен.
Имя той, что мечет стрелы в сердце бедное мое,
На стрелах судьба скрепила знаками своих письмен.
Боль Вамыка и Медждуна я давно в себе пошу, —

Я клеймом любви отмечен, болью страсти,
злом измен.

Не читай печальной книги о влюбленных, — развернул
Я листы моей разлуки древним повестям взамен.

Ты, кто просишь толкованья дать любовной боли,
знай:

Начертал я жалом скорби все на глине этих стен.

Об Иакове несчастном книгу скорбную закрой;

Дом души моей разрушен, я отчаяньем согбен.

Навои! Свою погибель от любовного меча

Изложи в газели звучной, горем горьким вдохновен.

111

Если небо скорбь приносит, причиняя миру вред, —
Черным облаком печали дух мой горестный одет.

С той поры, как смерть Фархада и Меджнуна унесла.
Может быть, лишь я наследник их любовных

мук и бед!

Сея семена свиданий, жатвы я собирал разлук.

Земледелец, мне подобный, появлялся ли на свет?

Коль моя луна помедлит близ меня хоть миг — живу,

Если от меня уходит — жизнь моя уходит вслед.

У меня и у Меджнуна горькие пути любви,

Третьего пути такого в мире не было и нет.

О любви спроси безмолвных, тех, кто от печали нем.

Скрыта суть любви от шумных, суесловных непосед.

Нет в любви числа печалям и страданиям Навои,

Словно бы за всех пред небом он один несет ответ.

Встреть в кабачке и вечер и восход,
 Коль ищешь ты спасенья от невзгод.
 Налей бокал, что на тюльпан похож,
 Едва лишь день тюльпаном расцветет.
 Пей дотемна, ночь освежит твой вздох
 Прохладую, спустившейся с высот.
 Пей до поры, когда светило дня
 В степи небес как странник побредет.
 И кубок свой из рук не выпускай:
 Ведь кравчий щедр, и чаши здесь — не в счет.
 И если рок послал тебе беду,
 Изменишь ли его круговорот?
 Весь Навои — в тернистых путах зла,
 Подай, господь, спасенье от тенет!

Все красавицы, что страстью сердце мучат нам, —
 капризны.
 Ну а ты, мое несчастье, всех ты лучше —
 и капризней.
 Отнимают жизнь иные, а другие — вновь даруют...
 Но живет и губит разом взор твой жгучий
 и капризный!
 Избалованней ребенка эта ветреная пери:
 Что попросит и получит — вмиг наскучит ей,
 капризной!

Так случайно, ненароком и мое разбила сердце...
Но твое от всех я скрою имя, случай мой капризный!
То, что взором овладеет, без труда проникнет в душу.
Как потом спастись от страсти,
 столь могучей и капризной?
Пропускаю час молитвы, потому что днем и ночью
Лик луны моей сияет, лжет мне луч ее капризный!
Навои, твой дух не знает ни мгновения покоя —
Как посев, что тщетно просит пить под тучею
 капризной!

114

Когда сравнение «сахар» предложат твоим устам,
Сама скорей прикуси их, скажи о них правду нам.
Я смелости не имею, чтоб губ коснуться твоих,
Довольствуюсь поцелуем, доступным моим мечтам.
И если я ум теряю от взгляда пери моей,
Какая польза, советчик, идти по твоим путям?
Быть может, когда всевышний задумал
 создать людей,
Свою мечту о прекрасном в тебе показал он нам.
Когда улыбнулся сахар твоих смеющихся губ,
Учил он сладко смеяться и розы по всем садам.
Но миру, как юной деве, ты сердца не отдавай, —
Мудрец ему сердце не дал, не веря его словам.
Скажи, отчего же дева бежит тебя, Навои?
Ведь нить меж ней и собою давно отыскал ты сам.

Смолкает пред твоей красою разум,
 Восторг любви затмил собою разум.
 Где излучает свет твое сиянье,
 Там меркнет мысль, сражен бедою разум.
 Ведь людям свет любви послал Мессию,
 Хоть и владел загадок тьмою разум.
 И трудный путь любви никто не кинул,
 Когда надменно звал к покою разум.
 Но если мысль не освещать любовью,
 Не станет ли она пустою, разум?
 О Навои, в вине любви — забвенье,
 Когда тебя гнетет тщетою разум.

На ее щеке девичьей темной родинки пятно, —
 Каплей амбры на горящем угле кажется оно.
 В сердце милой вызвал жалость я жемчужною слезой;
 Я — купец, и наживаюсь я на жемчуге давно.
 Шах на пиршестве печали — кровью плачу,
 желт лицом, —
 Так из кубка золотого каплет красное вино.
 Сердце просит подаянья уст твоих, но ты скупа.
 Почему хотя б надеждой жить сейчас мне не дано!
 Приходи, я буду прахом, попираемым тобой;
 Вся душа полна страданья, тело муками полно.
 Уничтожь в своем сознании бытие, небытие:

Мне прямо в кровь слетевший с уст приказ
твоих речей проник, —
Не только в кровь, он в душу мне сейчас
стрелы острее проник.
Какой бы из неверных глаз приказ душе ни исходил,
Он в благочестие мое и в веру прежних дней проник.
Ужели все, чем я живу, полно велением твоим?
Мне в тело голое сейчас твой взор стрелы
больней проник.
Осуждена тобой душа, и вот мне в сердце
твой приказ,
Как в разоренную страну, велением очей проник.
Прикосновеньем губ своих убить ты можешь Навои, —
Ведь их властительный огонь и в глубь души
моей проник.

С любимой в разлуке, невольно рыдает
влюбленный, друзья!
Ах, сколько страдать еще буду я с ней
разлученный, друзья!
Зачем вы велите мне в тайне любовь
к моей милой хранить?
Ужель может скрыть свою тайну любовью
спаленный, друзья?
Когда заверенья и клятвы услышите
в вечной любви —

Не верьте вы слову коварных, чья хитрость
бездонна, друзья!
Меня упрекать не спешите за то,
что я стал нелюдим —
Когда-то ко мне дорогая была благосклонна, друзья!
Без милой я плачу в руинах —
спешите помочь мне, чтоб я
С любимой вдыхал ароматы весны благовонной,
друзья!
Коль плачу безмерно без милой,
вы в том не вините меня:
Не в воле моей эти вздохи и горькие стоны, друзья!
Прошу вас, содвиньте фиалы с вином,
пожалейте меня, —
Я полон безмерною жаждой, —
и неутоленной — друзья!
Прильните к бокалам. Искал я средь мира,
но нет, не нашел
Таких, кто бы твердым был в клятвах,
с душой непреклонной, друзья!
Любимых к груди прижимая, подумайте о Навои,
Что плачет сейчас одиноко, тоской удрученный,
друзья!

120

Снова душу бедную мою
угнетательница-страсть гнетет,
И одна надежда у меня: может быть, она меня убьет.

Эти губы, чья улыбка зажигает блеск очей,
Заставляют плакать кровью и меня игрой своей.
Стоны испускает сердце, увидавшее луну.
Обессиленное сердце, что ни миг, — стучит слабей.
Не могу теперь из сердца я стрелу ее извлечь, —
Что ни миг стрела другая в грудь вонзается больней.
Не дожидаться сострадания, даже если б сердца стон
Пробудил на смертном ложе ко всему глухих людей.
Ты кровавою водою эти слезы называй.
Потому что цвет их создан кровью из груди моей.
Сколько я ни выставляю войск терпения в груди,
Милый взор моей любимой войска грозного сильней.
Стать рабом моей подруги пожелал бы сам Юсуф,
На базаре чувств хотел бы он себя продать скорей.
К Навои, больному духом, приведет любовь ее,
Где б она ни рассыпала стрелы вкрадчивых очей!

ПОЛЕЗНЫЕ СОВЕТЫ СТАРОСТИ

122

Моя безумная душа в кусках истерзанного тела —
Как тот безумец среди руин, что притаился онемело.
Краса твоих рубинов — уст в мгновенье
оживляет мертвых —
То, верно, на живой родник дыханье божие слетело!
Жемчужины твоих зубов, как будто в раковине
скрыты,
Улыбка створки разомкнет — я в них гляжу
оцепенело.
Стекая, медленно дрожит в моих ресницах
капля крови.
То, в капле влаги отразясь, наверно, роза заалела!
Я стан твой вспомню — и в строке
все недописанные буквы —
Прямы, как в слове «джан» алиф,
что вывел каллиграф умело!
Пусть я погибну за тебя, любовь моя,
но все ж вовеки
Ты — человек среди людей, среди пороков и плевела.
И если хочешь, Навои, чтоб людям смерть
не слало горе,
Про горе не слагай стихи, в которых бы
страданье пело!

О кравчий, все, чем я богат, все в чаше той
 заключено,
 Ведь в ней вино, а в том вине ее лицо отражено...
 В лазури неба разлилось румяное вино зари,
 И в чаше, светлой, как лазурь, пускай зарей
 блеснет вино.
 Налей, о кравчий! Миг один мы будем юны и пьяны,
 Ведь юности быстрее, чем миг, в сей жизни
 пролететь дано.
 Не разлучайтесь ни на миг со счастьем,
 что любовь дарит,
 Разлука оборвет любовь, и счастье упадет на дно.
 Не удался со знатью пир, где льют вина
 искристый ток,
 С отребьем всяким в кабаке, я пью опивки, —
 все равно!
 Чтоб самому не быть собой, я пью вино
 и день и ночь,
 Лекарство от печальных дум для нас —
 забвение одно.
 Но горе жалящей змеей не потому ль меня разит,
 Что было сердце Навои отрадами обольщено?

Зачем мне розы на пиру, коль там вина не будет,
 Зачем вино, когда из роз там хоть одна не будет!

Пусть в чаше отразится блеск Венеры
солнцеликой, —
Ведь без нее плеяда звезд красой полна не будет.
Взойдут и солнце и луна, Юпитер и Венера,
Но Марса нет — и их краса озарена не будет.
Когда есть все, но к магам путь — в их
тайный дом заказан, —
Высокой радости в душе в те времена не будет.
Когда в чертоге пир шумит и дверь закрыта прочно,
Не будет человеком тот, кто пить до дна не будет.
Прекрасен благостный покой услад и нег вечерних,
Пока десницею судьбы разбит сполна не будет.
И если каждому судьба такой вот день дарует,
Печали нет, а коль придет — страшить она не будет!
Чудесна в пиршестве земном пора увеселенья,
Пока на гибель стражем дней осуждена не будет.
И если, Навои, судьба тебе готовит вечность,
О милой пусть мечта и сон, другого сна — не будет!

125

Не спросила — сердце друга трепетать
давно ли стало?
Оскорбленное, тем боле замирать от боли стало.
Раны кровь не успокоил, не унял рубин подруги.
Видеть струи слез кровавых ей забавно,
что ли, стало?
Я хотел вином рубина отогнать свои печали,
Но в безумье впало сердце и чернее смоли стало.

Сердце, на горе терпенья ты живешь, но все нагорье
Смыто паводком любовным и ровней юдоли стало.
Навои, ты жемчуг нижешь из росы своей ланиты,
И тебя лишь стихотворство утешать в недоле стало.

126

Когда хоть миг не вижу я лицо и родинки любимой,
Тогда и свет и темнота моим очам неразличимы.
В разлуке бога я молю, чтоб дивный стан твой
дал увидеть.
Но тщетно ночью солнца ждет бедняк,
надеждою манимый.
И что за диво, если я не знаю счета дням разлуки,
Когда с тобой я разлучен, и день и ночь неотличимы.
Нет, то не молния, то — блеск моих огнем
горящих вздохов,
Нет, то не гром, то — к небесам летит мой стон
незаглушимый.
Иди куда глаза глядят, о зачарованное сердце, —
Бессильно ты смиришь ту боль — недуг души
неисцелимый.
О ветер, прах с земли вздымай — пусть он мои
овет слезы.
Обычай есть: слезится взор — целебным
прахом очи вымой.
Ты хочешь, страж садов земли,
чтоб жизнь была легка, как ветер.
Но даже меж листками роз просветы ран
незалечимы!

Ты утра ждешь и жаждешь жить,
но твой грядущий рок неведом:
Глядишь — одежды разодрав, скорбят друзья,
неутешимы.
О Навои, больной душе стрела лишь дарит
избавленье:
Так посох мощь дает руке, чтоб слабость
одолеть могли мы.

127

Кто не был награжден людьми ни разу светом
верности,
Такой — проклятье для людей, — и сам далек
от верности.
Когда моя судьба и жизнь неверны, —
что ж в том странного?
Кто видел, чтобы жизнь была верна обетам верности!
И если ты верна, так что ж? Ты — пери,
чудо вымысла!
Доступно ль человеку быть в ладах с заветом
верности?
Ах, от людей мне ничего, кроме обмана, не было,
Хоть сам всегда был верен им по всем
приметам верности.
Нет верных роз в саду времен — они
не распускаются.
Нелепо ждать, чтоб розы там зардели цветом
верности!
За верность сердце не отдай: я сердце отдал преданно,

Но тщетно — не было в ответ мне и при этом
верности!
Пусть оказалась неверна, о Навои, красавица,
Но, значит, видел верность ты,
раз верен тщетам верности!

128

Она ушла, покинув пир, и села на коня, хмельна,
А я ей чашу протянул, с мольбой держась
за стремяна.
Нет, мне ее не удержать, но я бы в жертву
жизнь принес
За то, чтоб кем-нибудь на пир она была
возвращена.
Торопит всадница коня — и сердце падает в груди,
Мечом обиды ранен я, жестоко грудь уязвлена.
Зачем не насмерть я сражен?
Не легче ль муки мне пресечь,
Чем торопить в обратный путь и гнать
сквозь темень скакуна?
А без нее шумливый пир печален, горек и уныл,
Нарушен сердца сладкий сон, душа покоя лишена.
От века так заведено: кто выпьет радости бокал,
Сто кубков горечи тому судьба велит испить до дна.
Я в одиночестве умру. Не странно ль —
преданность моя
Ответной верностью в любви ни разу не награждена!
Когда белеет голова, с уединением смирись,

Ведь не украсят звонкий пир ни грусть твоя,
ни седина!
Неверную не возвратишь.
К чему ж терзаться, Навои?
Смотри: ты бледен, стан дрожит,
душа печалью смущена.

129

В мой дом, разгорячась, вбежала с вечернею
звездой она,
Испариной омыла розы, как розовой водой, она.
Ресниц разбойничьих кинжалы —
похитчики моей души,
Прядь амбровым жгутом спустила на стан
свой молодой она.
Приют мой темный озаряет солнцеподобный лик ее.
Я на свету дрожу пылинкой, — не луч ли
золотой она?
Взяв за руку меня, смеется, сажает около себя,
Пересыпает слов алмазы, сверкая красотой, она.
И говорит: «Печальный друг мой,
как поживаешь без меня?
Что я отвечу ей? Сковала язык мой немотой она.
Кувшин с вином она открыла и кубок полный налила,
Пригубив, молвила с упреком,
с лукавой прямою она:
«Скажи, Меджнун, не сновиденье ль,
что разума лишился ты.

Испей вина, открой мне душу,
какой живет мечтой она?»
Я выпил, потерял сознание,
к ногам возлюбленной припал, —
Не хмель сразил меня — сразила свою
добротой она.
Тому, кто в снящемся свиданьи, как Навои,
блаженств знал, —
Не спать до воскресенья мертвых:
сон сделала бедой она.

130

Только ты взяла с улыбкой пиалу из рук людей,
Как порвались от рыданья связки всех моих костей.
Гурия к тебе явилась спор вести о красоте,
Но и та, тебя увидев, удалилась поскорей.
Стала ночь моей разлуки мне опасностью грозить,
Потемнела, словно нежный гиацинт твоих кудрей.
Сердце гибнет от удара взором пущенной стрелы, —
Словно зверя на охоте, тыразишь стрелой своей.
Я несчастен: у любимой состраданья нет ко мне, —
Эти слезы и рыданья не тревожат сердце ей.
Что такое сад свиданья, ты не спрашивай меня:
В мире горестной разлуки, как в тюрьме,
я много дней.
Как беспечен тот, кто скачет, выпустив узду из рук!
Упадет он без дыханья, погружен в мечты о ней!
Тот свободен от печали, кто бежит толпы людской,
Но оставшемуся с нею в мире жить еще грустней.

Каждый миг твои собаки прогоняют Навои,
Но обманом он в их свору возвращается скорей.

131

Мой жар растопит и свечу — не только
мотыльков сожжет,
Так на лугу вокруг рдяных роз безумен соловьев
полет.
Средь пыльных туч затерян я, среди развалин
я брожу, —
То, верно, пыль небытия судьбой низринута с высот.
Нет, то — не звезды, это — рок рассыпал
скорби семена.
Так в ночь печали зернам слез, пролитых мной,
неведом счет.
Увидели б друзья мои, как груз измены мне тяжел, —
Была б безмерна их печаль, безумье —
ей один исход.
Разлуки тягостная тишь — погибель для моей души;
Влача копыта, вялый конь в траве все гнезда
в прах сотрет.
Греховна преданность моя — убей,
разлукой не терзай,
Да будь виновней я стократ — немислим
большей кары гнет.
Гуляка праздный! В кабачок, в свой бранный
дом веди меня, —
Обитель та глушит печаль, спасенье кабачок дает.
Убогой долей надели, богатствами — не искушай:

У богача — желаний нет, у бедняка — их полон рот.
Сжигают стоны Навои и соловья и мотылька, —
Зачем для них огонь любви — их жар мой
без того сожжет!

132

В разлуке беспроглядна ночь — дай, кравчий,
мне вина,
Как солнцем, станет тьма моя вином озарена.
В разлуке с нею счета нет всем бедствиям моим,
Да будут в сердце хоть на миг покой и тишина.
Пусть блеск от кубков круговых, как молния,
сверкнет,
На западе за цепью гор громада туч черна!
Ночь горестей темным-темна, и ей предела нет,
Пусть стон мой огненный сменит зари голубизна.
Вдали от солнца моего весь мир вокруг — закат,
И кровью от меча судьбы душа опоена.
Что люди дарят на земле! Лишь тяготы да гнет.
Израненное сердце, верь: то — правда вся, сполна!
И даже день подернут тьмой в разлуке, Навои.
В разлуке беспроглядна ночь — дай, кравчий,
мне вина!

133

Ты ношей горя, словно чанг, мой стан
горбатым сделала,
И лад звучащих в сердце струн глухим
раскатом сделала.

Уж лучше было б в ширь небес мое несчастье
вписано, —
Ты ж влагой вала в море слез меня объатым сделала.
Пронзил все девять сфер небес дым вздохов
моих огненных,
Ты из него витки кудрей — злым супостатам сделала.
Скитаний, мук, твоих измен, моей убогой немощи —
Все мало! — Ты меня еще и бесноватым сделала!
И дым небес, и звезды слез, и стонов гром
и молния —
Ты этот скорбно-пестрый мир моим халатом сделала!
Пусть магам в старом кабачке я стану легкой
жертвою, —
Ты отрешенным от людей, хмельным меня
там сделала.
Как жаждал Навои любви, а ты над ним смеялася!
Ты всем погибшим от любви меня собратом сделала.

134

Ты можешь лучшую из роз красою посрамить,
А стройным станом — кипарис с лихвою посрамить.
Что свежесть зелени в саду перед твоим пушком?
Ты можешь родинками всех, не скрою, посрамить.
Вот месяц прячется средь туч, стыдится он: его
Способна ты бровей своих дугою посрамить.
Родник живой воды укрыл под землю трепет струй:
Их может влага уст твоих собою посрамить.
О сердце, что Меджнуна боль! Довольно мук таких,
Чтобы тебя позор за них мог втрое посрамить.

Душа бедою сражена, разбойница моя!
 Тому виною ты одна, разбойница моя!
 Так оскорбила ты меня, что злых таких обид
 Не знают наши времена, разбойница моя!
 Я удалился от людей, я позабыл себя,
 С тех пор как ты со мной дружна, разбойница моя!
 Мой век был возмущен тобой, когда, опьянена,
 Вскочила ты на скакуна, разбойница моя!
 Не диво, если до меня измучив целый мир,
 Ты станешь крепко мне верна, разбойница моя!
 Иль мне, безумцу, иль тебе погибнуть суждено,
 Когда нальешь ты мне вина, разбойница моя!
 Кто здесь о счастье помянул? — Несчастен Навои!
 Твоя, твоя во всем вина, разбойница моя!

У пери, как и у меня, безумных побуждений много,
 И странно ль, если среди людей из-за нее
 волнений много?
 О сердце, так уж суждено — соединить нас
 невозможно:
 Нет терпеливости во мне, а от нее глумлений —
 много.
 Что мне, убогому, желать? Хоть кудри черные
 увидеть!
 Ведь шахов ей прельщать дано, в ней и для них
 прельщений много.

Что за негодница! Она — то ли армянка,
то ль туркменка:
На правоверных взор ее свершает нападений много.
Прельстительность ее одежд — не в том ли,
что они открыты?
Ведь в побежденных ей сердцах любовных
откровений много!
Заблещет от ее одежд весь мир вокруг семью
цветами,
Цветет базар ее красы — там ярких украшений много.
Когда она идет, вокруг — как будто света озаренье,
И стройный стан пленяет всех,
рождает восхищений много.
Как жажду я вкусить нектар рубинов-уст,
но сердцу — больно:
В нем от клинков ее ресниц мучительных
ранений много.
То гордой силой красоты, то нежностью
она пленяет, —
Запало в сердце Навои и смут и искушений много.

138

Зверя дикого поймала тех кудрей густая сеть,
Сто Фархадов, сто Меджнунов душит, оплетая, сеть.
Сколь охотница искусна! На того, кто целый мир
Красотою слов пленяет, пала золотая сеть.
Зерна родинок — приманка, и не только соловья;
Ах! Обманет и симурга солнцем залитая сеть.

Эй, охотница! Павлина, озаряющего сад,
Покорила, ослепила, кольцами блистая, сеть!
Сто красавиц расставляли сеть свою для Навои,
Но безумного поймала лишь твоя густая сеть.

139

Я луноликой бы не смог и слова молвить за сто лет,
А если б вымолвил — стократ
я был отвергнут бы в ответ.
Любви в ней нет, но иногда вдруг милосердьем
одарит —
И люди в зависти язвят меня уколами клевет.
И странно ведь: она весь мир навек поссорила
со мной,
А у самой — друзей не счесть, ей мил в пиру
любой сосед.
А как иначе? — Верный друг всегда доверьем
обделен,
Пока чужие — как друзья, и каждый лаской обогрет.
И, значит, люди неверны, как неверна и жизнь,
о Хызр,
Раз Зулъкарнайн, воздвигнув вал, яджуджам
положил запрет.
Блажен, кто отыскал приют, который людям
не найти,
Хоть и обещут даль времен, хоть и обрещут
целый свет.
Жестокостям сынов времен, о виночерпий,
нет границ!

Дай чашу мне, чтоб ум померк, чтоб разума
пропал и след.

И если помощь мне подаст Фархадов
и Меджнунов рой,

Пусть сотней уст не вразумит мое безумье их совет!
Могучий, словно небо, шах иль луноликий кипарис —
В жестокости, о Навои, различий между ними нет!

140

Хоть бодры телом и душой бывают старики,
Сравнятся с молодыми им — потуги нележки!
Пристала ль белой бороде горячность юных лет?
Пожухнув, вновь зазеленеть не могут лепестки!
И странно, если невпопад, как юный, резв старик,
А молодой — в повадках стар, рассудку вопреки.
В ходьбе подмогою — клюка, а пика — ни к чему:
Помехой будет, если взять ее взамен клюки.
Но и с клюкой не будешь прям,

коль старостью согбен,
И если б юный это знал, согнулся бы с тоски!

Когда глаза запали вглубь, считай, что сильный муж
Смущенье слабости укрыв в запавшие зрачки!

Вот стар я стал, и осужден я сплетнями ханжей:

Про тайные мои грехи твердят клеветники.

А те, кто в юности чисты, пусть вознесут хвалу

За то, что бог укрыв от них бесчестья тайники.

Никто не волен — стар ли, юн — над благом

и грехом,

И те, кто ропщет на судьбу, от блага далеки.

Кто в молодости был строптив, веленьям не внимал,
Укоры совести его под старость велики.
Господня благость — океан: надежду буря шлет, —
Отчаяньем, о Навои, себя не допеки!

141

Над головою моею осенних дней листопад,
Но что тебе в том? — С тобою весенний ликует сад.
Возможно ль живым остаться,

когда ты выйдешь пьяна,

С подколотою полою, тюрбан надев наугад?

Мое изранено тело, и кровь ручьями течет:

Я рвал его сам зубами, все раны мои горят.

Что солнце в пыли — не диво.

Но тонкая пыль пушка

На солнечном лике милой чудеснее во сто крат.

С утра в кабачке сижу я, и сделал мне мальчик-маг

Зуннары из кос любимой, как то предписал обряд.

Прекрасен дворец для сердца,

но сто опасностей в нем.

В лачуге пьянства свободу и боль обрести я рад.

О Навои, если хочешь спокойствия хоть на миг,

Храни от раздумий сердце и сам не гляди назад.

142

Моя душа — как властелин: она султан

в стране мечты,

Каких ни пожелает благ — они доступны и просты.

Вдруг о неверности твоей ко мне тревожный слух доходит,
И вот повержен, сломлен я, исторгнут в сердце стон разлукой.
Гордец! В суровый час беды будь с теми, кто судьбой унижен, —
Ведь нынче их щадит судьба, а ты уже сражен разлукой.
Клянусь: готов сто тысяч бед перенести за миг свиданья,
Но не приму я жребий мой, коль вновь грозит мне ж разлукой.
Отвергнутый, я слезы лил, чтоб мой посев взошел плодами, —
Увы, не даст плодов росток: он в сердце заронен разлукой.
О Навои, когда мы ждем соединения с любимой,
Сто тысяч бедствий претерпеть положен нам закон разлукой.

144

О сердце, столько на земле враги вреда нам сделали,
Что даже преданность друзей сплошным обманом сделали.
Чадит от жара голова, как будто камни горестей,
Пробив, как в куполе, дыру, ее с изъяном сделали.
На голове — не чернь волос, то — налетели вороны,
И гнезда там — чтобы припасть к кровавым ранам — сделали.

У твоего жилья рычат ночной порой собаки, —
 Не на меня, так на кого ж подняли вой собаки?
 Не в лад ли стону моему в моих скитаньях скорбных
 Перекликаются, скуля, одна с другой собаки?
 А может быть, им шеи трут ошейники с шипами,
 И потому всю ночь визжат наперебой собаки?
 Оплакивать ли смерть мою они сюда собрались,
 Хотят ли голод утолить, наевшись мной, собаки?
 Голодным нюхом чуя плоть, сбегаются с урчаньем,
 Они кружат вокруг меня, как жадный рой, собаки!
 Зовешься львом — настигни лань в уединенном доле,
 А пададь суеты мирской — добыча злой собаки!
 Не странно, если к Навои соперники пристанут:
 За нищим странником всегда бегут гурьбой собаки!

Слилась с слезами сердца кровь,
 поток их красным кажется,
 Да, это — кровь, хоть блеск слезы подчас
 и ясным кажется.
 Я раз припал к ее губам — мой ум сражен безумием:
 Кто тих — и тот, испив вина, подчас опасным
 кажется.
 Страшна и малая печаль для сердца сокрушенного:
 Подбитой птице ком земли — и тот ужасным кажется.
 В те дни, когда я вижу с ней, она и ночью
 снится мне:

Взглянув на солнце, взор смежишь — оно все
красным кажется.
Вокруг себя людскую кровь ты проливала реками.
В них гряда черепов — камней пластом
безгласным кажется.
Дверь кабачка закрой не всю — как кроют лик
твой локоны:
В полнеба разлитой закат всегда прекрасным кажется.
Взгляни, о боже, Навои какой объят молитвою:
Мне брови чудятся, михраб в их сгибе
властном кажется.

149

Лиловой ночью весь твой стан лиловым
отблеском объят,
Он — как фиалка, иль — самшит, одевшийся
в ее наряд.
Аллах-аллах, мне не смекнуть, что это —
стан... лиловый цвет...
Фиалка то или самшит, которым цвет фиалки взят?
Ах, это что за кипарис — на нем лиловые листки!
Над розой стонет соловей, лишь расцветет ее халат.
Все уничтожено в саду огнем дыханья моего:
Горят фиалка, кипарис, их одеяния горят!
Во мраке скорби вспомню я ее лицо и цвет одежд, —
И мнится мне средь черных туч в лиловом
отблеске закат.
Как скорбью рушить Бесутун?
Что держит Навои в руке?

То — не фиалка, а тесак, которым твердь
крушил Фархад.
Да будь хоть сотня языков — что
о бессовестной болтать?
Ведь у фиалок язычки — нам в поучение — молчат!

150

Безумство и любовь, вы нас для всех позором сделали
И жертвой — худшим, чем позор,
делам и ссорам сделали.
Вы сердце бедное мое побив камнями горестей,
Шипы печали и беды на мне узором сделали.
Из тех, кто любит, никого такой бедой не мучили,
Меня ж — на муки обрekli, больным
и хворым сделали.
Когда в ночь скорби я погиб, стал мрак мне
одеянием,
Тьму ночи — трауром по мне, моим убором сделали.
И если я умру, друзья, отравой мук истерзанный, —
Ну что ж — вы избавленью мне тем приговором
сделали.
Пусть радость суждена тому, кому любовь
пристанище,
Мне ж бремя странствий нарекли,
моим позором сделали.
Хоть я не с голубем дружу, а с птицею забвения,
Меня вы притчею толпе, ее укорам сделали.
О те, кто в цветнике мирском бокалы полнит
радостью,

Пусть у порога пери той несчастного безумца свяжут,
 Пусть цепь накинут на меня — ярмо собачьего удела.
 Зачем Меджнуну знать меня? Прошу вас,
 пленники безумья,
 Чтоб ваша мудрость на меня хоть на мгновение
 слетела.

Безумье бешеного пса с моим безумьем не равняйте,
 Зато слывущего умом с безумцем сравнивайте смело.
 О вы, что дали мне совет навеки от вина отречься, —
 Я отрекись, но надо стать достойным этого предела!
 Как горько плачет Навои: красавицами он отвергнут,
 Пришли б к нему! — Его чело тогда б улыбкой
 просветлело!

153

Любимой сердце я отдал — пленила прелесть щек,
 глаза, —
 Ах, тот и сердце в плен отдаст, кто уберечь не смог
 глаза.
 Я на жестокую глядел, а меч ее разил меня, —
 Аллах-аллах, послали мне такой тяжелый рок глаза!
 Во тьме измен потоки слез меня покрыли
 с головой, —
 И шквал мне голову разбил и щели в ней
 рассек — глаза.
 От искр стенанья взмыл огонь и сердце
 молнией пробил,
 И в душу мне низвергли дождь — губительный
 поток глаза.

Я — как гора беды и мук, вокруг — безгласные тела,
Как будто бы волнами слез их насмерть сбили
с ног глаза!

Удары бедствий и разлук в глаза мне высекли огонь,
И тело искрами сожгли, как тонкий стебелек, глаза.
Но не стугбил меня потоп стенаний огненных моих:
Я, словно маскою пловец, завесой слез сберег глаза.
Коварен взор ее, как Марс: сверкнул
и пиршество затмил,
Как будто пир подстерегли таящие упрек глаза.
О Навои, ты тщетно ждешь, я сердце не могу
отдать, —
Разбили сердце градом слез, как жалкий черепок,
глаза.

154

У пери — точка вместо уст, бог дал ей чудо
чуд — уста.
Дивятся люди на нее: да полно, есть ли тут уста!
Мессия сшил своей иглой ее сладкоречивый рот, —
Лишь вздохи смерти, подступив,
раскроют и сомкнут уста.
Все розы замерли в саду пред розоликою моей:
Открыли для молитв о ней, а не для нег и смут уста.
Не удивляйтесь, что она то ранит словом,
то — живит:
Как у Мессии нежен рот, но злые речи льют уста.
Окружье твоего лица напоминает солнца круг:

Нет точки циркуля на нем, искать —
напрасный труд — уста.
Послушай шепот уст моих — слова их только о тебе,
Но жизнь покинуть срок придет —
и вздохом изойдут уста.
Большую чашу, кравчий, дай!
На мне как будто сотни уст, —
От лютой жажды исцелит ведь лишь такой сосуд уста!
Послушай, хочешь уберечь ты тайну сердца своего, —
Не подражай бутонам роз: пусть губ
не разомкнут уста!

155

Мне не страшно с этой жизнью разлученье —
без тебя,
Пусть умру, зачем души мне дуновенье — без тебя.
Без души вздохнуть не может человек. О, горе мне!
Почему не нахожу я облегченья без тебя.
Жаждет сад, лишенный грома и блескучего дождя.
Мне, Меджнуну, от печали нет спасенья — без тебя.
Пусть другой вовек не знает горя, ведомого мне,
Мне нести его на сердце нет терпенья — без тебя.
Разлученного с тобою поразит жестокий рок,
Я томлюсь с тобой в разлуке, жизнь — мученье
без тебя.
Навои ждет только смерти в разлучении с тобой,
Как же может жить он в мире хоть
мгновенье — без тебя?

У любимой ко мне сострадания нет,
Плачу — жалости в ней и к рыданию нет.
От разлуки мученьями сердце полно,
В ней — меня погубить — колебания нет.
Что ни слово ты молвишь бутонами уст, —
А во мне прекословить желания нет.
А мучений таких, как терплю от нее,
На семи небесах мироздания нет!
От негодницы сколько издевок сношу,
А во мне на нее и роптания нет.
Сто речей для других у нее на устах,
А ко мне — никакого внимания нет!
Навои, ладно б — косо смотрела она,
Но ведь к сердцу у ней сострадания нет.

Мне жить и без тщеты мирской — довольно,
В тиши угла найти покой — довольно.
Для тела хватит и покрова скорби,
А голову — прикрыть рукой довольно.
А не найду беде моей лекарства —
Мне и отравы в скорби той довольно.
Вино тщеты пусть тешит тех, кто весел,
Мне ж — крови слез с моей тоской довольно.
Я в отрешеньи верности стал прахом:
Коль в друге нету воли злой — довольно.

Владеть вселенной нужно Искандеру,
Мне ж — мук любви и тьмы ночной — довольно.
Вселенную познать — мне винной чаши,
Чтоб видеть мир с его красой, — довольно.
Потребны людям разные утех,
Мне ж — в кабачке быть день-деньской довольно.
Влюбленные от милых жаждут песен,
Для Навои же и такой довольно.

158

Уже белеет голова, да и зубов уж многих нет.
Пора собраться в дальний путь, кончай свои
дела, поэт.
Давно ли молодость цвела, а смотришь —
старость тут как тут.
Как ни хитри — один конец в долине горьких
зол и бед.
Кто, сорок лет давно пройдя, переступил
за пятьдесят,
Тот знает, что добра не жди, когда уже ты стар и сед.
Твой посох — тетива, твой стан согбен,
как лук; что скоро сам
Стрелой из мира улетишь — других не надобно
примет.
Когда со всех шести сторон ожесточились семь небес,
Что пользы — шестьдесят тебе иль семьдесят
минуло лет.
Известно: молодость — весна, а зрелость — осень.
Если так,

То старость сравнивать с зимой поэтам я даю совет.
Увы! Ни осень, ни весна мне счастья больше
не сулят.
Пришла моя зима — и в снег, как в саван, я уже одет.
Непоправимо устает от долгой жизни человек!
Сосед сказал: «Сто лет живи!» — тебя он проклял,
твой сосед.
Свой путь все люди на земле к забвенью
держат, Навои!
Когда стремишься к цели ты, иди и сам за ними.

159

За мною дети вслед бегут, жестоко бьют камнями,
Смотри: уже обсыпан я в сто тысяч груд камнями.
У бедной хижины моей — каменья зла и скорби,
Как будто рухнул небосвод на мой приют камнями.
В горах разлуки кряж страстей омоют кровью слезы,
И — весь в рубинах слез — поток зардеет
тут камнями.
Моей могиле, о друзья, камней печали хватит, —
Не украшайте бедный холм, как он ни худ, камнями.
Отриньте камни злых детей: я истекаю кровью,
Как будто швы заживших ран мне больно трут
камнями.
На мне — следы твоих камней, я с этой болью
свыкся,
Но в давних ранах вновь зажжен жестокий зуд
камнями.
Истерта немощная плоть камнями тяжелой кары, —

Пусть небеса хоть душу мне не избыют камнями!
Эй, кравчий, лей бокал полней — пусть будет
он тяжелым:
Не перевесить на весах большой сосуд камнями.
Держу я чашу, словно щит, чтобы прогнать печали,
А небеса, о Навои, тот щит мой бьют камнями.

160

В болтовне неисчерпаем, кладезь сладких
слов — болтун,
В славословии — речистый, в речи —
пустослов болтун.
Принесет посланье птица — славословий
в нем не счесть.
Что ж тут странного? Бывает в жизни и таков болтун.
Все слова его приятны и язык велеречив,
Диво ль в том, что облакает речь в такой
покров болтун?
У чувствительных аж слезы вышибают похвалы!
Где морочить научился этих простаков болтун?
Осторожен будь с болтливим, не делись своей бедой,
Всем чужим твои печали рассказать готов болтун.
Не прими на веру слепо смысла всех его речей,
Речь свою всегда украсит вязью завитков болтун.
В болтовне его цветистой — сто советов Навои.
Где он только их находит? До чего ж толков болтун!

РУБАИ

161

За то письмо я жизнь отдать бы смог:
Когда проник я в смысл желанных строк,
Я в море слез, затрепетав, поплыл.
Как будто в воду брошенный листок.

162

Когда тебя народ виной корит,
Ты на людей не затаи обид!
Укор правдив — исправиться не стыд,
А лживая хула не уязвит.

163

Когда я гнал вином печаль забот,
Укор ханжи поверг мне душу в гнет.
Что ж? — Буду пить все ночи напролет,
Пока душа опять не заживет!

164

Огнями ада не пугай меня, отшельник ледяной.
Не огорчай, суля мне рай, когда окончу путь земной!
В аду о милой вспомню я, и в рай преобразится ад —
Рай станет адом, если ты в раю предстанешь
предо мной.

165

Когда, порвав с людьми, я вырвался из пут,
Я рад был, что меня простор и воля ждут.
Но полюбив тебя, я снова влез в хомут:
Так зверь — рванет аркан, и — шею стянет жгут!

166

Укрывшийся в горах от мира человек
В пещере в зимний день найдет себе ночлег.
Ему прохладу в зной дарует горный снег,
А власть тщеты мирской ему чужда навек.

167

Сильней души моей тебя люблю я, жизнь,
Сильней любви своей тебя люблю я, жизнь.
Бывает ведь любовь, сильней которой нету,
И все ж еще сильней тебя люблю я, жизнь!

168

Годами шейха речь текла, пресна, мутна, —
Ни сердца, ни ума не тронула она.
Но продавец вина мне душу взволновал:
Всего один глоток — и песня рождена!

169

Сто тягот сердцу принесла разлука,
Разбила душу, как стрела, разлука,

Спалила тело мне дотла разлука
И пепел в небеса взвила разлука.

170

Отшельник! Гурия — тебе, а мне любимая нужна.
Тебе источник райский мил, а мне вино и мейхана.
Там виночерпий нужен мне и чаша чистого вина.
Чтоб чаша, сколько б я ни пил, была бы
до краев полна.

171

О алчный ворон, выпил всю он кровь
из сердца моего,
Когтями вырвать он хотел любовь из сердца моего.
От дыма моих вздохов, глянь, его крыло опалено,
На клюве и когтях печать — то кровь
из сердца моего.

172

О ветерок, когда ты нежно веять будешь,
Цветок в прекрасном цветнике лелеять будешь.
Ты целовать мой кипарис, благоговей, будешь,
Шептать, что в рабство обращен я ею, будешь.

173

Уходишь ты — но сердце мне мое оставь хотя бы,
Меня от пламени бездушия избавь хотя бы.
Или кинжалом рассеки мне сердце, взяв хотя бы
Все остальное. Уходи, мне часть отдав хотя бы.

174

Бывает: тайны мира открывает человек,
Загадки судеб разрешает человек.
А иногда — влюблен, стенает человек,
И мир позором покрывает человек.

175

Ты хочешь уйти — так излишни рыдания, —
Зачем наношу себе лишние раны я?
Не знаю: забуду ль разлуку, как ранее,
А, может, сулит она новые раны мне?

176

Души моей ты жажду утоли, о виночерпий,
Вино, не мешкая, мне поднеси, о виночерпий.
Сначала ты себя утешь, о виночерпий,
Потом мне душу облегчи, о виночерпий.

177

Когда наступит час последний мой, о виночерпий,
Наполни чашу влагой мне хмельной, о виночерпий,
Чтоб опьянев, в день Страшного Суда, о виночерпий,
Не ощутил бы мук, начертанных судьбой,
о виночерпий.

КЫТЪА

178

Кто хочет бога лишь умом постичь,
Тот славен в людях мудростью степенной.
Но не измерить моря глубину,
Наполнив кубок лишь прибрежной пеной.

179

Не упрекай подвижника недостатком:
Его стезе от благ обуз не будет.
Не говори, что мачту в груз воткнули:
Помехой кораблю тот груз не будет!

180

Старайся этот мир покинуть так,
Чтоб без долгов расчесться с пережитым.
Из мира, не закончив дел, уйти —
Не то же ль, что из бани — недомытым?

181

Пусть слух твой сбережет бесценный жемчуг слов.
Что раковины-уши без жемчужин?
Но перлы слов своих всегда держи в себе:
Ларец без дивных перлов разве нужен?
Жемчужницы, ларец богатством наполняй:
С бесценными дарами будешь дружен!

182

Коль истины венец над головою,
Не страшен путнику каменьев рока град.
От века наделен удам короной,
Но капли дождика ее не сокрушат!

183

Сад роз твоей души не раскрывай для злого
И войлочный ковер не украшай цветком.
Навозному жуку вовек не пахнуть розой,
А мышь летучая не станет мотыльком.

184

Коль у тебя есть давний враг, страшись его коварства.
Пусть речь его порой журчит, ласкающе звеня.
Вода всегда в вражде с огнем, и так пребудет вечно.
Журчащий ток живой воды — погибель для огня.

185

Щедр только тот, кто в трудную минуту
Последний хлеб с другим делить привык,
Кто нищего пригреет и укроет,
Хоть дом его размером невелик.
Ведь нет людей, подобных небосводу,
Чтоб солнце в дар принести в единый миг!

186

Невежда в страхе жизнь провел:
Боялся он учиться слову.
И в результате, как осел,
Влачил свой век от рева к реву.

186 а

Кто сокрушил в себе прибежище гордыни,
Богатства вечности даны тому отныне.
А если гордость та во мне нашла обитель,
Найдется ль для богатств другой хранитель?

187

Со мной в походе два коня,
Но пеший я ходок:
Как кони в шахматах, они
Поднять не могут ног.
Как в шахматах, за край полей
Им не дано дорог.
Конь черный подо мной — земля,
А белый конь — песок.

188

Когда писец в своем искусстве слаб,
Отнять перо, стыдя пред всеми, надо.
Чернилами залить ему лицо
И, как перо, раздвоить темя надо.
Его письмен узлы пораспустить
И гнать, связав узлами теми, надо!

192

Неправедных мужчин в сто тысяч раз прекрасней
Достойных женщин лишь единый след.
Вот Лота сыновья — ведь их дела постыдны,
К единой вере в них усердия нет.
Но чистою стезей зажгла ведь дочь пророка
Над временами негасимый свет!

193

На шею мне повешен талисман
Не для того, чтоб хворости спугнуть.
Нет! Мне связали шею небеса,
Чтоб с каждым шагом камень бился в грудь!

194

Я, жар души в стихи вдохнув, мечтал,
Чтоб мысль мою тем жаром зажигало.
И потушить огонь, что жег мне мысль,
Живой воды, наверно, было б мало.
О если бы горение души
Всегда огонь свой мысли отдавало!

195

В диване шах печать мне поручил —
В готовые дела клеймо вклепать.
То означало: гордость заглуши
И ниже всех других в диване сядь.

Но гордость я никак сломить не мог,
И вышло так, что я сломал печать.
Когда я от людей в мой грустный дом укроюсь,
Ложится на меня печалей пыльный пласт.
Едва — стряхнуть его — я выйду из лачуги,
Как злобою людской сто бед меня обдаст.

196

Бывает так, что странный в ином сидит задор:
Он по любой причине с людьми вступает в спор.
Такому не перечьте: ни зернышка не даст,
Когда хоть слово скажут ему наперекор.
А сам тотчас же с ложкой у каждого котла!
Ах, кто б, с котла сняв сажу, ему б лицо натер!

197

Дарует серебро из тысячи один,
Удел других таков: они себе берут.
Такой обычай есть, уж так заведено:
Ведь брать всегда легко, давать — нелегкий труд.

198

Не разделяйте трапезу с тираном —
Прилично ли лизать собачье блюдо?
Не доверяйте тайн своих невеждам —
Беседовать с ослом ведь тоже худо!

199

Учтивость привлекательна вдвойне,
Когда ее в привычку взял богатый.
Раскаянье ценней во много раз,
Коль кается вельможа виноватый.
Нет щедрости прекраснее такой,
Когда не ждут, чтоб лесть была оплатой.
А мудрый тех достойными зовет,
В ком свойства те — в привычке, твердо взятой.

200

Когда корысть звучит в словах, не верь
Ни лести женщины, ни проискам мужчины.
И в собеседнике цени не сан, а речь:
Неважно, кто сказал, важны причины.

201

Правдивым будь: сто, тысяча вопросов
Лишь в истине одной ответ найдут.
Сто букв писец одним каламом пишет,
На тысячу овец — один лишь кнут.

202

Все смертны на земле, зачем же в жизни муки,
И что для смертных мук страданий всех тщета?
Коль для рожденного кончина неизбежна
И злу нельзя не быть, — ничтожна суета!

203

Скажу тебе: средь выродков земных
В особенности три породы гадки —
Безмозглый шах, скупой богач,
Ученый муж, на деньги падкий.

204

Прекрасных женщин светлой чистотой
Блестит над миром солнце на восходе,
Здесь дива нет: в арабском языке
Название для солнца — в женском роде!

205

Ты благороден, ты — мудрец-подвижник,
В умах людей ты будишь мятежи.
Ты бесподобен! В паре полустипий
Я о тебе сказал четыре лжи.

206

От любопытных тайну береги:
Не возвратишь, коль слово с уст слетело.
Ведь вздох последний тоже не вернешь,
Когда уйдет дыхание из тела.

207

Вот он не внемлет слову мудреца,
А что ему от этого неладно?
Ведь если трудно ценности собирать,
Не раздавать — и вовсе не накладно!

208

Коль низкий — подл, то странно ль, если он
Кичлив и чванен, выбившись в вельможи?
Здесь чуда нет: от власти словно пьян,
Он, все забыв, себя не помнит то же.

209

Не близкий свет огня, а дальний дым жилья
Холодной ночью — поводырь скитанья.
Вот так затворники, презрев соблазн вина,
Находят радость в воздержанье.

210

Напыщенный болван, от визга распалась,
Поднять способен чернь во имя злого дела.
Когда петух зовет, копая клювом грязь,
Такого нет дерьма, чтоб курица не съела!

211

Прогнал слугу, а он служить суется!
Знай: тот же смысл непростенных хлопот,
Как если бы в наложницы просилась
Супруга, получившая развод!

212

За темнотой придет сиянье света,
Ты в это верь и будь неколебим.
Все в мире так: есть пламень и горенье,
Над пламенем всегда завесой — дым.

213

Венец приносит много неудобства:
Ведь ум слабеет, сжат со всех сторон.
Поменьше бы венцов над головами,
Не исключая царственных корон!

214

Коль ценностей души в себе не уберег
И, вверив языку, рассыпал их по свету,
Как друга ни проси, чтоб он не разболтал, —
Большой ли в том секрет иль тайны вовсе нету, —
Не странно, если тот рассыпал ценный дар:
Он просто раздавал ходячую монету!

215

Я людям говорил, что родичей корю
За бесталанность их, — что ж странного в том деле?
Но родичи бросали странный мне упрек!
Мол, я не все давал, чего они хотели!

216

О Навои, не дай взойти корысти зернам,
Не сдобри их слезой в стенании притворном,
Для прихотей надел не отводи пространный
И по ветру развевай запасы спеси чванной.

217

Я столько нагрешил, что в преисподней
Мои грехи весь ад заполонят.
Не легче ли простить меня, всевышний,
Чем новый для других готовить ад?

218

Поскольку бог еще при сотвореньи
Своим рабам предназначтал пути,
Не выправишь и малую описку,
Хотя она могла произойти.
Но кто привык просить у бога больше,
В том дури — тьма, ума же — нет почти.
Блажен, кто рад велениям господним:
Он спор в труде и у людей в чести.
А кто строптив, тот в алчности несчастлив
И может всем лишь горе принести.

219

Отрешенность от всех — это праздничный мир,
Навои!
Хочешь солнце постичь — не лови его
призрачный блик.
Разве тот одинок, кто лишь спутника в мире лишен?
Кто от всех отрешен, только тот единенье постиг.

220

Коль за иным идет такая слава,
Что только зло и злобу в нем найдешь,
Добра не жди — не сделал бы плохого,
Не сделал зла — уже и тем хорош!

221

Я столько видел горя от друзей
И столько бед и мук омыл слезами,
Что в смертный час уж лучше умереть,
Чем уцелеть и снова быть с друзьями!

222

Среди искусств такое есть искусство:
Оплошность скрыть, коль оплошал твой друг,
И похвалить при всех его заслуги,
А нет их — скрыть отсутствие заслуг.

223

Моих стихов затейливы страницы,
Слова в них — странники причудливой страны.
Мой каждый стих — приют для многих смыслов, —
Странноприимный дом, и кельи в нем полны!

224

Заводишь речь, так не тяни мочало:
Напутаешь, и странный будет вид.
Когда паук накрутит паутину,
Он сам на ней, как пойманный, висит.

225

Прекрасен дом, в котором есть жена —
Твой добрый друг, красивая подруга.
Но в доме нет добра и красоты,
Когда в нем нет жены, хозяйки, друга.

226

Два пса борзых охотились на льва.
По силе нет, как будто, в них различий,
Но пес один, принюхиваясь, ждет,
Другой бежит, не дожидаясь кличей.
Растерзан пес. Смертельно ранен лев —
Другому псу он легкой стал добычей.

227

В дни юности святую чистоту
Я променял на мерзости порока.
Прошли года, и старость подошла,
И за грехи наказан я жестоко.
И если я поклоны буду бить,
Хоть лоб разбей — не будет в этом прока.
Наказан я, а как — то знает бог,
И каяться — мне ни к чему морока.

ТУЮГИ

228

То губ нектар иль глаз твоих алмазная слеза ли?
А может быть, твои уста чужой нектар слизали?
Кокетством лук заряжен твой, и стрелы
в сердце метят.
Ах, если б блески яда с них на полпути слезали!

229

Стрела обиды в грудь впилась и сердце мне задела,
Едва утихнувшая страсть опять взялась за дело.
Так предначертано судьбой: мы страстью
рвемся к юным.
А до других — кто нелюбим — влюбленным
что за дело?

230

Дугою бровь, как меткий лук; стрелу мне брось
навстречу.
Ах, долго ль мне еще, скорбя, лишь уповать
на встречу?
Среди луноподобных звезд, что всех затмят красою,
С красой, такой, как у тебя, другую разве встречу?

231

Рубины губ ее — огонь, они мне душу жгут.
Как лук, мой стан, лишь потяни за тетиву, за жгут.
Я клятвам верить был бы рад, но искренни ль они
И светоч верности в тебе зажгут иль не зажгут?

232

Нет, ты не роза, я правдив в сравненьи этом смелом:
По бледности твое лицо соперничает с мелом!
Затворница! Румянец щек тому лишь дан в награду,
Кто не гнушается вином и в страсти будет смелым.

233

Кинжал разлуки в эту ночь затеял пир и справил,
Но рок, мне печень истерзав, недуг мой не исправил.
Тогда он в Тун меня послал и пыткой мучил в Туне,
Как нужно мучить — не забыв ни одного из правил.

234

Пока любимая в Сари, грустить не перестану.
Когда ж сравнения искать для милой пери стану,
Я в сад пойду, в цветеньи роз увижу лик
прекрасный,
А рядом — стройный кипарис, ее подобный стану.

235

Бальзам для ран я не нашел, страницы книг листая.
Что тело мне терзает в кровь — не хищных
птиц ли стая?
Огонь любви мне душу жег, и в горькой той пустыне
Не отыскал ни одного целебного листа я.

236

Жестокий град коварных стрел мне душу поражал,
И в сердце две из них впились, как острых пара жал.
Алмазы горьких слез моих пролив к твоим стопам,
Я взоры рассыплю камней бесценных поражал.

237

Мой взор состарила слеза, в страданиях пролитая,
Но ты, как прежде, — лишь мечта, что дразнит,
пролетая.
Один — в тоске я смерти жду, но если ты со мною,
Мой, как у Хызра, долог век, —
что ж вспомнил про лета я?

238

Чтоб ей сказать: «Не уходи», уста я растворил.
Но замер зов мой на устах и льда не растворил.
Ее капризам нет числа, упорству — нет границ.
Мир удивлен: такое зло каприз хоть раз творил?

СЛОВАРЬ

Аджем — арабское слово, обозначающее «чужой»; этим словом называли всех неарабов, и главным образом иранцев.

Азра (Узро) и *Вамык* — влюбленная пара; их страдания описывала не сохранившаяся до наших дней поэма персидского поэта Унсури из Фалка (XI в.).

Айван — открытая галерея, портик.

Айн — первая буква арабского алфавита.

Аksamит — декоративное растение с крупными красными или желтыми цветами.

Алам — горе.

Али — ближайший последователь и родственник Мухаммеда, один из четырех так называемых правоверных халифов.

Алиф — первая буква арабского алфавита, представляющая собой вертикальную черту; в поэзии символ стройности.

Алиф-ба — название двух первых букв арабского алфавита.

Алоэ — дерево, дающее при горении ароматный дым.

Альбуруз — горный хребет, огибающий южный берег Каспийского моря; высшая его точка — погасший вулкан Демавенд.

Амбра — ароматическое вещество.

Аргаван (аргуван) — козловое или иудино дерево: когда

оно теряет кору, оголенный ствол приобретает ярко-красный цвет.

Аргмак — породистая скаковая лошадь.

Арлас — название одного из тюркских племен.

Атом — этим словом обозначались мельчайшие пылинки, видимые в солнечном луче; поэты писали об атомах, влюбленных в солнце и тянущихся к нему.

Аффридун (Феридун) — мифический царь Ирана, потомок царя Джемшида.

Ахриман — в религии зороастрийцев носитель злого начала; ему противопоставляется Ормузд — добрый дух.

Аят — стих из Корана.

Байрам (тюркск.) — праздник.

Бахрам — 1) звезда; 2) — один из древнейших иранских шахов.

Бейт — двустишие.

Бурак — мифический легендарный конь.

Бустан — название произведения персидского поэта Саади (ок. 1206–1291).

Везир (везирь) — министр, сановник, ближайший советник правителя.

Газель (газаль) — лирическое стихотворение, преимущественно любовного содержания, написанное двустишиями, связанными одной рифмой.

Герат — древний город, столица Хорасана.

Гилманы — прекрасные юноши, которые, по мусульманскому вероучению, прислуживают праведникам в раю.

Гулистан — цветник роз, название книги Саади.

Гуль — злой дух, живущий в горах; он сбивает путника с дороги и затем пожирает его.

Гурия — по мусульманским верованиям, прекрасная райская дева.

Даль — буква арабского алфавита, по начертанию напоминающая дугу; в поэзии — символ человека, сломленного горем.

Дервиш — странствующий монах.

Джабраил — архангел Гавриил.

Джайхун — древнее название Амударьи.

Джами — знаменитый среднеазиатский поэт (1414—1492).

Джан — нежное обращение: «душа моя», «дорогой».

Джем (Джемшид) — мифический царь древнего Ирана, при котором люди жили в полном блаженстве, не зная болезней, старости и смерти. По преданию, у Джемшида была волшебная чаша, смотря в которую царь мог видеть все происходящее в мире.

Джинн — злой дух.

Динар — золотая монета.

Дирхем — мелкая серебряная монета.

Дуст — друг.

Замзам (Земзем) — священная вода.

Зулейха — по Библии, жена египетского вельможи Пентефрия, пытавшаяся соблазнить Юсуфа (Иосифа Прекрасного).

Зулькарнайн — «двурогий», прозвище Искандера (Александра Македонского).

Зульфикар — дословно «обладатель позвонков», название меча халифа Али (см.).

Зухра — название планеты Венеры, которая считалась покровительницей музыки и на восточных миниатюрах изображалась в виде женщины с бубном в руках.

Иаков — библейский патриарх, отец Иосифа Прекрасного; когда Иосиф был продан в рабство, Иаков, оплакивая сына, ослеп от слез.

Имран — имя отца библейского пророка Моисея; поэтому род Моисея назывался «дом Имрана» или «семья Имрана».

Индиго — темно-синяя растительная краска.

Иосиф — см. Юсуф.

Ирем — название сада, подобного раю.

Иса (Иисус) — по верованиям мусульман, он обладал способностью воскрешать мертвых посредством своего дыхания и считался пророком, жившим до Мухаммеда.

Кааба (Каба) — название храма в Мекке, священном городе всего мусульманского мира.

Кайс — настоящее имя Меджнуна.

Калам — тростниковое перо.

Карнай — музыкальный инструмент, труба.

Карун (Корей) — мифический богач, чье имя упоминается в Коране.

Касида — хвалебная ода, панегирик.

Каф — мифическая гора.

Кяфир — гяур, неверный, язычник.

Ковсер (Каусар) — название одного из райских источников.

Конграт — название одного из тюркских племен.

Кыт'а — короткое монорифмическое стихотворение, состоящее из двух-пяти бейтов.

Лал — рубин.

Лейли — по-арабски «ночная»; имя героини произведений

многих классических поэтов Востока — Низами, Навои, Физули и других.

Мавераннахр — земли между Амударьей и Сырдарьей.

Маг (муг) — так называли мусульмане представителей зороастрийского духовенства.

Меджудж — см. Яджудж.

Мазар — гробница святого.

Мазендаран — область в Иране.

Майдан — площадь, арена, ристалище; плац для празднеств, смотров, состязаний и казней.

Меджлис (мнж. число: маджалис) — собрание, общество, дружеская пирушка.

Меджнун — «одержимый любовью», прозвище, данное арабскому поэту Кайсу (из племени Бени-Амир) за его безумную любовь к прекрасной Лейли; легенда о Лейли и Меджнуне послужила материалом для многих поэтических произведений Востока.

Медресе — мусульманская духовная школа высшего типа.

Майхана (мейхана) — буквально «дом вина», кабачок.

Мектеб — школа.

Мессия — мифический пророк, обладавший даром при помощи одного дыхания воскрешать мертвых.

Минбар (мимбар) — кафедра в мечети.

Мисра — стихотворная строка, первое полустипхи бейта.

Михраб — ниша в мечети, указывающая направление к Мекке, главному святилищу мусульман, куда надлежит обращаться лицом при молитве; с полукруглой аркой михраба часто сравниваются брови красавицы.

Муса — библейский пророк Моисей.

Мускус — ароматическое вещество.

Мухтасиб — чиновник, надзиравший за выполнением законов шариата.

Муэдзин — лицо, возвещающее с минарета мечети о времени молитвы.

Нун — буква арабского алфавита.

Ормузд — см. Ахриман.

Палас — восточный ковер без ворса; грубая шерстяная ткань; одежда во время траура.

Пери — сказочная фея добра, оберегающая людей от злых духов.

Пир — духовный наставник.

Рабат — место расположения постоянных дворов.

Рамазан — девятый месяц мусульманского лунного года, месяц поста, предписываемого исламом.

Рахш — имя коня Рустема, легендарного витязя, воспетого Фирдоуси в «Шахнамэ».

Рубаи — особая форма лирической поэзии, состоящая из четверостишия, в котором рифмуются первая, вторая и четвертая строки.

Рум — Византия и некоторые владения Малой Азии; так в восточной поэзии называется вообще Запад.

Рустем (Рустам) — иранский витязь, главный герой поэмы Фирдоуси «Шахнамэ».

Рута — растение, дымок которого якобы оберегал от «дурного глаза».

Саламандра — мифическое животное, не сгорающее в огне; птица-саламандра (феникс) — сказочная птица, будто бы возрождающаяся из собственного пепла после сожжения.

Самум — знойный сухой ветер пустынь, несущий тучи песка и пыли.

Сардар — полководец, вообще — начальник.

Селасиль — цепи, оковы; название замка в поэме «Фархад и Ширин».

Сельсебиль — название мифического райского источника.

Симург — царь всех птиц, легендарная птица восточной поэзии.

Сулдуз — тюркское племя.

Сулейман — библейский царь Соломон.

Суфий — последователь суфизма.

Тамбуль — душистые листья.

Тамга — клеймо, тавро.

Теша — особый вид кирки.

Туба — дерево в райском саду.

Тулпар — волшебный конь в эпосе среднеазиатских народов.

Туман — персидская золотая монета.

Тутие — купорос, применялся как глазная мазь.

Туюг — особая форма тюркской лирики, четверостишие, в котором рифмующиеся строки (1, 2 и 4) содержат омонимические рифмы.

Факих — мусульманский правовед, знаток религиозного права; священнослужитель, совершающий брачный обряд.

Фархад и *Ширин* — герои поэм Низами, Эмира Хосрова и Навои; Ширин в буквальном переводе значит «сладкая».

Феридун — см. Афридун.

Фирман — султанская грамота, указ.

-
- Хадж* — паломничество в Мекку.
- Хадис* — предание о пророке Мухаммеде.
- Хазрат* — почтительное обращение к мудрецам, святым.
- Хайбар* (Хейбер) — укрепленный пункт в северном Хиджазе, завоеванный Мухаммедом в 628 г.
- Хакан* — титул монарха в некоторых странах Востока.
- Халиф* — титул духовного главы мусульман, в руках которого находилась также и светская власть.
- Ханаан* — древнее название Палестины.
- Ханака* — обитель дервишей.
- Хотим* — легендарный бедуин из племени Тай, прославившийся щедростью.
- Хафиз* — знаменитый поэт-лирик Переднего Востока (ум. 1389).
- Хирман* — ток, на котором обмолачивают зерно; груда зерна; отсюда вообще: груда, множество.
- Ходжа* — духовное лицо, учитель; почтительное обращение к образованному человеку.
- Хорасан* — провинция в северо-восточной части Ирана.
- Хум* — большой глиняный кувшин.
- Хусейн Байкара* — темурид, правитель Хорасана (1468—1506).
- Хызр* — сверхъестественное легендарное существо.
- Чанг* — музыкальный инструмент.
- Човган* — спортивная игра, род поло; всадники особыми клюшками отбивают друг у друга шар и загоняют его между двух столбов.
- Шайтан* — сатана.
- Шариат* — свод мусульманских религиозных и юридических правил, опирающихся на Коран.

Шейх — старейшина арабского племени, деревни; глава мусульманской религиозной общины, секты, школы.

Шербет — сладкий фруктовый напиток.

Шин — буква арабского алфавита.

Эмир — титул военачальника или правителя.

Юсуф — библейский Иосиф Прекрасный (см. Зулейха).

Яджудж — Яджудж и Маджудж (по библии Гог и Маго) — названия мифических свирепых народов, упоминаемых в Коране. По восточным преданиям, Александр Македонский воздвиг огромную стену, чтобы оградить свою державу от этих народов.

Якуб — библейский мифический персонаж.

Ятаган — изогнутый меч.

СОДЕРЖАНИЕ

С. Хасанов. Царь царей поэтов 3

Г А З Е Л И

ЧУДЕСА ДЕТСТВА

- «Чаша, солнце отражая, правый путь явила мне...»
Перевод *Вс. Рождественского* 6
- «Над бездной между двух миров мелькнула тень красы
твоей...» Перевод *Н. Лебедева* 7
- «Ты — свиток времен предвечных, что мудростью
озарен...» Перевод *Н. Лебедева* 8
- «О божество! Творец! Создатель! Шах!...»
Перевод *Т. Боровковой* 8
- «Ты один лишь из пророков носишь божества печать...»
Перевод *А. Ивановна* 9
- «Я от скорби обезумел, одичал — и потому...»
Перевод *Н. Лебедева* 10
- «В моем сердце твоя обломилась шальная стрела...»
Перевод *А. Наумова* 10
- «Погибелью грозит любовь, едва признаюсь в ней...»
Перевод *С. Сомовой* 11
- «В разлуке с любимой ты стала руиной, о крепость моя...»
Перевод *Вл. Державина* 11
- «Этот град опостылел в разлуке с луной для меня...»
Перевод *Вл. Державина* 12
- «Я красу твою увидел и плененным стал тобой...»
Перевод *Н. Лебедева* 13

- «В гневе ты — любой поступок мой мученье для тебя...»
 Перевод *Г. Ярославцева* 13
- «О мечта моя, стройнее, чем алиф, твой тонкий стан...»
 Перевод *Вс. Рождественского* 14
- «То ли солнце по Джейхуну в челноке своем плывет...»
 Перевод *А. Иванова* 15
- «Сто тысяч раз кинжал любви полосовал мне тело...»
 Перевод *Г. Ярославцева* 15
- «Робко пальцами коснулся нежных губ ее слегка...»
 Перевод *Т. Спендиаровой* 16
- «Был город отлюбивших душ... Могила у могилы там...»
 Перевод *Г. Ярославцева* 16
- «Да сгорит мое сердце, другой поклоняясь, о царица,
 хоть раз...» Перевод *Л. Пеньковского* 17
- «Я, страдая, выжег язвы, разлучась с моей луной...»
 Перевод *Г. Ярославцева* 19
- «Коль пользы от людей все нет, пусть и вреда не будет...»
 Перевод *Г. Ярославцева* 20
- «О если бы в саду любви вступила страсть в свои права...»
 Перевод *Г. Ярославцева* 20
- «Это сердце, волей рока, разлученья ждет беда...»
 Перевод *Вс. Рождественского* 21
- «Судьба иному чашу шлет, что влагою хмельной полна...»
 Перевод *Г. Ярославцева* 22
- «Лепесток от розы алой стал в руках твоих письмом...»
 Перевод *Вс. Рождественского* 23
- «То ли щеки румянами красит вино...»
 Перевод *А. Наумова* 24
- «Все громче стон в моей груди, что пронзена твоей
 стрелой...» Перевод *Вл. Державина* 25

«Соловей, лишенный розы, умолкает, не поет...»	
Перевод <i>Н. Ушакова</i>	25
«С чашей винною стоял я в светлый день в моем саду...»	
Перевод <i>Н. Лебедева</i>	26
«Прикусив любимой губы, жадно кровь глотаю я...»	
Перевод <i>Вс. Рождественского</i>	27
«Опечаленный любимой, сам я не существовал...»	
Перевод <i>А. Кронгауза</i>	27
«Окровавленное сердце под ногами, словно прах...»	
Перевод <i>А. Кронгауза</i>	28
«Моя любимая с другим блаженство делит, как в раю...»	
Перевод <i>М. Курганцева</i>	29
«Против меня лунолика меч обнажила...»	
Перевод <i>М. Курганцева</i>	29
«Гиацинтовый локон свой ты над цветком не склоняй — не надо!..»	
Перевод <i>Т. Боровковой</i>	30
«Дворец величья твоего под звездами сияет, помни...»	
Перевод <i>М. Курганцева</i>	31
«О сердце, не верь ее клятве, крепись...»	
Перевод <i>А. Наумова</i>	32
«Терпи, мое сердце, любовь к лунобровой забудь...»	
Перевод <i>М. Курганцева</i>	33
«Любовь моя, чужой ты сделалась в итоге...»	
Перевод <i>А. Наумова</i>	33

РЕДКОСТИ ЮНОСТИ

«Красота твоя восходит, словно солнце, надо мной...»	
Перевод <i>Н. Лебедева</i>	35
«Лик твой, зеркалом сверкая, в мир бросает сто лучей...»	
Перевод <i>Вс. Рождественского</i>	35

«Любя тебя, без сердца сонм благочестивых стал...»	
Перевод <i>А. Иванова</i>	36
«Кто в любви бывал несчастен и страдания узнал...»	
Перевод <i>А. Файнберга</i>	37
«Когда она расцветшей розой идет в соперников ряду...»	
Перевод <i>Р. Галимова</i>	38
«Узор твоих волнистых строк теперь в душе моей живет...»	
Перевод <i>С. Северцева</i>	39
«О мой алмаз, по ком тоску душа и плоть хранят...»	
Перевод <i>С. Северцева</i>	40
«Когда о друге мне гонец рассказ свой поведет...»	
Перевод <i>Вл. Державина</i>	41
«У тебя халат зеленый, пуговицы золотые...»	
Перевод <i>А. Файнберга</i>	41
«Ах, буду жить, не буду жить — нет никакого дела ей...»	
Перевод <i>С. Северцева</i>	42
«Твоей неверностью, увы, терзаюсь постоянно...»	
Перевод <i>Г. Ярославцева</i>	43
«Я отвел глаза от милой, — боль тревог возмездье мне...»	
Перевод <i>Н. Лебедева</i>	44
«На твое лицо упали кудри, словно пелена...»	
Перевод <i>Н. Лебедева</i>	44
«Черны, как ночь, твои косы, как тополь, ты вся стройна...»	
Перевод <i>Вс. Рождественского</i>	45
«Коль пришла пора цветенья, каждой розе — соловей...»	
Перевод <i>А. Файнберга</i>	46
«Она смеялась всякий раз, рванье одежд на мне увидев...»	
Перевод <i>Г. Ярославцева</i>	47
«Тело бедное на части вмиг разъяла ты, войдя...»	
Перевод <i>Г. Ярославцева</i>	47

«Печаль в душе я долго нес — раздался стон в конце концов...».	Перевод Г. Ярославцева	48
«Не рубин твои алые губы, о нет, не рубин...»	Перевод А. Иванова	49
«Двух резвых своих газелей, которые нежно спят...»	Перевод Вс. Рождественского	50
«Улыбающейся розе, розе росной расскажи...»	Перевод А. Иванова	50
«Пожаром тело охватив, любовный запылал огонь...»	Перевод Н. Панова	51
«Враг пожалеет иногда, но не разделит горе друг...»	Перевод Н. Панова	52
«Осрамился я — но пьяный сок земной тому причиной...»	Перевод С. Шервинского	52
«Нищ владыка предо мною, как и я перед тобой...»	Перевод А. Иванова	54
«Нет! Не нарциссы те глаза! Нарциссы разве палачи?..»	Перевод Н. Лебедева	55
«Скрыть слезы страсти я не мог — а ты навстречу не пошла...»	Перевод Н. Панова	56
«Печален я, о кравчий, наклонись, подай мне чашу...»	Перевод А. Иванова	57
«Он любить мне запрещает, простодушный, кроткий шейх...»	Перевод С. Иванова	57
«Видя пылкость мою, все Меджнунa народ вспоминает...»	Перевод А. Иванова	58
«Ты, аскет, нам обещаешь гурий, сад, источник райский...»	Перевод А. Файнберга	59
«Беда тебе, коль беды отзвучали...»	Перевод А. Файнберга	60

- «Как красота твоя светла, светла любовь моя...»
Перевод А. Файнберга 61
- «Злую ночь моих страданий режут молнии бедой...»
Перевод Вс. Рождественского 62
- «В эту ночь в мечте бессонной предо мною локон твой...»
Перевод Вс. Рождественского 62
- «Разлуки с тобой горячка в груди поднялась костром...»
Перевод Вс. Рождественского 63
- «Начертан в чертоге сердца твой образ в горестный миг...»
Перевод Н. Лебедева и Л. Пеньковского 64
- «Ты стройна и грациозна, словно деревце в раю...»
Перевод А. Файнберга 64
- «Та печаль о тебе, что сжигает меня, у кого еще есть?..»
Перевод А. Файнберга 65
- «Еженощно зажигаю я свечу взамен луны...»
Перевод А. Кронгауза 66
- «Что пылает, что сверкает под лазурными бровями?..»
Перевод А. Файнберга 66
- «Душа без любимой сторела. Я полон печали...»
Перевод А. Файнберга 67
- «Луны, как лицо твое, — нет. Дерева, станом стройней,
нет и не будет...» Перевод А. Файнберга 68
- «Смятением твой взгляд упал на мир земной...»
Перевод Вс. Рождественского 69
- «Достичь в разлуке милых губ не так легко окажется...»
Перевод А. Иванова 69
- «Нет моей душе от сердца, нет и сердцу от души
вести...» Перевод А. Иванова 70
- «С той поры, как темный локон крепким стянут был
узлом...». Перевод Вс. Рождественского 71

-
-
- «Пока я жив, в моей душе любовь всегда окажется...»
Перевод А. Иванова 71

ДИКОВИНЫ СРЕДНЕГО ВОЗРАСТА

- «Лицо твое — как лик весны, любовь внушает утру он...»
Перевод А. Старостина 73
- «Словно зеркало, сияет лик твой людям разных стран...»
Перевод Вс. Рождественского 73
- «Жива владычица моя, жива, злой жребий мой...»
Перевод А. Иванова 74
- «Притесненья твои для меня, как губительный рок...»
Перевод Вл. Державина 75
- «Увы, я умникам смешон, юродивым смешон...»
Перевод З. Тумановой 76
- «О красавица, тоскую: стан твой строен, как алиф!..»
Перевод Р. Галимова 76
- «В огонь — зеленый кипарис! Любимая стройней была!..»
Перевод Л. Пеньковского 77
- «Мой смеющийся соперник и она приснились мне...»
Перевод Н. Лебедева 78
- «Два рубина смеющихся — скорби моей исцеленье...»
Перевод Вл. Державина 79
- «Ясный лик моей любимой рукавом ли красным скрыт?..»
Перевод Н. Лебедева 79
- «Ах, наполнил мальчик чаши влагой светлую, и вот...»
Перевод Н. Лебедева 80
- «Эти губы — точно розы, на которых нежный мед...»
Перевод Вс. Рождественского 81
- «Кто красоты не обретет, любовью тот не насладится...»
Перевод Т. Спендиаровой 81

«Я, с тобою разлученный, горестным иду путем...»	
Перевод <i>Вс. Рождественского</i>	82
«Вглядевшись в лица твоего выраженья...»	
Перевод <i>Н. Лебедева</i>	83
«Птицу — сердце полонила нежных локонов силком...»	
Перевод <i>Вс. Рождественского</i>	84
«Если пьете чашу пира, если весел ваш чертог...»	
Перевод <i>Н. Лебедева и Л. Пеньковского</i>	84
«Я рванусь, очей истому колдовскую увидав...»	
Перевод <i>Н. Лебедева</i>	85
«Я горю, но это пламя сердца милой не зажжет...»	
Перевод <i>М. Замаховской</i>	86
«Грудь моя в тоске по розе, пронзена ее шипом...»	
Перевод <i>Вс. Рождественского</i>	86
«Небо держит бокал бирюзовый с киноварным облаком в нем...»	<i>Перевод А. Старостина</i>
	87
«Из глаз улетела дева, — когда б душа догнала...»	
Перевод <i>Вс. Рождественского</i>	88
«Когда в тоске заговорю о горе гибельном и злом...»	
Перевод <i>Н. Лебедева</i>	89
«Знак любви на свитке сердца вечностью запечатлен...»	
Перевод <i>Н. Лебедева</i>	89
«Если небо скорбь приносит, причиняя миру вред...»	
Перевод <i>Н. Карабина</i>	90
«Встреть в кабачке и вечер и восход...»	
Перевод <i>С. Иванова</i>	91
«Все красавицы, что страстью сердце мучат нам, — капризны...»	<i>Перевод А. Наумова</i>
	91
«Когда сравнение «сахар» предложат твоим устам...»	
Перевод <i>Вс. Рождественского</i>	92

«Смолкает пред твоей красою разум...»	
Перевод <i>С. Иванова</i>	93
«На ее щеке девичьей темной родинки пятно...»	
Перевод <i>Вс. Рождественского</i>	93
«Всегда он в обуви грубой, с небрежной чалмой, — грубьян...». Перевод <i>С. Иванова</i>	94
«Мне прямо в кровь слетевший с уст приказ твоих речей проник...» Перевод <i>Вс. Рождественского</i>	95
«С любимой в разлуке, невольно рыдает влюбленный, друзья!...». Перевод <i>А. Старостина</i>	95
«Снова душу бедную мою угнетательница-страсть гнетет...». Перевод <i>А. Старостина</i>	96
«Эти губы, чья улыбка зажигает блеск очей...»	
Перевод <i>Вс. Рождественского</i>	98

ПОЛЕЗНЫЕ СОВЕТЫ СТАРОСТИ

«Моя безумная душа в кусках истерзанного тела...»	
Перевод <i>С. Иванова</i>	99
«О кравчий, все, чем я богат, все в чаше той заключено...» Перевод <i>З. Тумановой</i>	100
«Зачем мне розы на пиру, коль там вина не будет...»	
Перевод <i>С. Иванова</i>	100
«Не спросила — сердце друга трепетать давно ли стало?...». Перевод <i>С. Шервинского</i>	101
«Когда хоть миг не вижу я лицо и родинки любимой...»	
Перевод <i>С. Иванова</i>	102
«Кто не был награжден людьми ни разу светом верности...» Перевод <i>С. Иванова</i>	103
«Она ушла, покинув пир, и села на коня, хмельна...»	
Перевод <i>С. Иванова</i>	104

«В мой дом, разгорячась, вбежала с вечернею звездой она...» Перевод <i>В. Звягинцевой</i>	105
«Только ты взяла с улыбкой пиалу из рук людей...» Перевод <i>Вс. Рождественского</i>	106
«Мой жар растопит и свечу — не только мотыльков сожжет...». Перевод <i>С. Иванова</i>	107
«В разлуке беспроглядна ночь — дай, кравчий, мне вина...». Перевод <i>С. Иванова</i>	108
«Ты ношей горя, словно чанг, мой стан горбатым сделала...» Перевод <i>С. Иванова</i>	108
«Ты можешь лучшую из роз красюю посрамить...» Перевод <i>С. Иванова</i>	109
«О сердце, про мою беду моей жестокой расскажи...» Перевод <i>С. Иванова</i>	110
«Душа бедою сражена, разбойница моя!...» Перевод <i>Н. Лебедева</i>	111
«У пери, как и у меня, безумных побуждений много...» Перевод <i>С. Иванова</i>	111
«Зверя дикого поймала тех кудрей густая сеть...» Перевод <i>Н. Лебедева</i>	112
«Я луноликой бы не смог и слова молвить за сто лет...» Перевод <i>С. Иванова</i>	113
«Хоть бодры телом и душой бывают старики...» Перевод <i>С. Иванова</i>	114
«Над головою моею осенних дней листопад...» Перевод <i>Вс. Рождественского</i>	115
«Моя душа — как властелин: она султан в стране мечты...» Перевод <i>С. Иванова</i>	115
«В пустыне горьких мук любви, безумец, я сожжен разлукой...». Перевод <i>С. Иванова</i>	116

«О сердце, столько на земле враги вреда нам сделали...»	
Перевод <i>С. Иванова</i>	117
«В огне измен душа от слез и от тревог сгорает...»	
Перевод <i>С. Иванова</i>	118
«Во тьме разлук пропавший след красавицы моей найдется ль?..» Перевод <i>С. Иванова</i>	119
«У твоего жилья рычат ночной порой собаки...»	
Перевод <i>С. Иванова</i>	120
«Слилась с слезами сердца кровь, поток их красным кажется...». Перевод <i>С. Иванова</i>	120
«Лиловой ночью весь твой стан лиловым отблеском объят...» Перевод <i>С. Иванова</i>	121
«Безумство и любовь, вы нас для всех позором сделали...»	
Перевод <i>С. Иванова</i>	122
«Еще не слышал я из уст ее ни слова...»	
Перевод <i>С. Иванова</i>	123
«Я не хочу, чтоб сердце вновь, забыв про раны, стало цело...». Перевод <i>С. Иванова</i>	123
«Любимой сердце я отдал — пленила прелесть щек, глаза...» Перевод <i>С. Иванова</i>	124
«У пери — точка вместо уст, бог дал ей чудо чуд — уста...» Перевод <i>С. Иванова</i>	125
«Мне не страшно с этой жизнью разлученье — без тебя...» Перевод <i>Вс. Рождественского</i>	126
«У любимой ко мне сострадания нет...»	
Перевод <i>С. Иванова</i>	127
«Мне жить и без тщеты мирской — довольно...»	
Перевод <i>С. Иванова</i>	127
«Уже белеет голова, да и зубов уж многих нет...»	
Перевод <i>Вс. Рождественского</i>	128

- «За мною дети вслед бегут, жестоко бьют камнями...»
Перевод *С. Иванова* 129
- «В болтовне неисчерпаем, кладезь сладких слов –
болтун...» Перевод *С. Иванова* 130

РУБАИ

- «За то письмо я жизнь отдать бы смог...»
Перевод *С. Иванова* 131
- «Когда тебя народ виной корит...»
Перевод *С. Иванова* 131
- «Когда я гнал вином печаль забот...»
Перевод *С. Иванова* 131
- «Огнями ада не пугай меня, отшельник ледяной...»
Перевод *Н. Лебедева* 131
- «Когда, порвав с людьми, я вырвался из пут...»
Перевод *С. Иванова* 132
- «Укрывшийся в горах от мира человек...»
Перевод *С. Иванова* 132
- «Сильней души моей тебя люблю я, жизнь...»
Перевод *С. Иванова* 132
- «Годами шейха речь текла, пресна, мутна...»
Перевод *Л. Пеньковского* 132
- «Сто тягот сердцу принесла разлука...»
Перевод *С. Иванова* 132
- «Отшельник! Гурия – тебе, а мне любимая нужна...»
Перевод *Н. Лебедева* 133
- «О алчный ворон, выпил всю он кровь из сердца моего...»
Перевод *Т. Боровковой* 133
- «О ветерок, когда ты нежно веять будешь...»
Перевод *Т. Боровковой* 133

«Уходишь ты — но сердце мне мое оставь хотя бы...»	
Перевод <i>Т. Боровковой</i>	133
«Бывает: тайны мира открывает человек...»	
Перевод <i>Т. Боровковой</i>	134
«Ты хочешь уйти — так излишни рыдания...»	
Перевод <i>Т. Боровковой</i>	134
«Души моей ты жажду утоли, о виночерпий...»	
Перевод <i>Т. Боровковой</i>	134
«Когда наступит час последний мой, о виночерпий...»	
Перевод <i>Т. Боровковой</i>	134

КЫТЪА

(Переводы *С. Иванова*)

«Кто хочет бога лишь умом постичь...»	135
«Не упрекай подвижника достатком...»	135
«Старайся этот мир покинуть так...»	135
«Пусть слух твой сбережет бесценный жемчуг слов...»	135
«Коль истины венец над головою...»	136
«Сад роз твоей души не раскрывай для злого...»	136
«Коль у тебя есть давний враг, страшись его коварства...»	136
«Щедр только тот, кто в трудную минуту...»	136
«Невежда в страхе жизнь провел...»	137
«Кто сокрушил в себе прибежище гордыни...»	137
«Со мной в походе два коня...»	137
«Когда писец в своем искусстве слаб...»	137
«Недаром сравнивали шаха с безбрежным морем мудрецы»	138
«Когда слуга с пути собьется, хозяин вдвое виноват...»	138

«Ни к злату, ни к серебру руками не тянись...»	138
«Неправедных мужчин в сто тысяч раз прекрасней...» .	139
«На шею мне повешен талисман...»	139
«Я, жар души в стихи вдохнув, мечтал...»	139
«В диване шах печать мне поручил...»	139
«Бывает так, что странный в ином сидит задор...»	140
«Дарует серебро из тысячи один...»	140
«Не разделяйте трапезу с тираном...»	140
«Учтивость привлекательна вдвойне...»	141
«Когда корысть звучит в словах, не верь...»	141
«Правдивым будь: сто, тысяча вопросов...»	141
«Все смертны на земле, зачем же в жизни муки...» . . .	141
«Скажу тебе: средь выродков земных...»	142
«Прекрасных женщин светлой чистотой...»	142
«Ты благороден, ты — мудрец-подвижник...»	142
«От любопытных тайну береги...»	142
«Вот он не внемлет слову мудреца...»	142
«Коль низкий — подл, то странно ль, если он...»	143
«Не близкий свет огня, а дальний дым жилья...»	143
«Напыщенный болван, от визга распахься...»	143
«Прогнал слугу, а он служить суется!..»	143
«За темнотой придет сиянье света...»	143
«Венец приносит много неудобства...»	144
«Коль ценностей души в себе не уберег...»	144
«Я людям говорил, что родичей корю...»	144
«О Навои, не дай взойти корысти зернам...»	144
«Я столько нагрешил, что в преисподней...»	145
«Поскольку бог еще при сотвореньи...»	145
«Отрешенность от всех — это праздничный мир, Навои!..»	145

«Коль за иным идет такая слава...»	146
«Я столько видел горя от друзей...»	146
«Среди искусств такое есть искусство...»	146
«Моих стихов затейливы страницы...»	146
«Заводишь речь, так не тяни мочало...»	147
«Прекрасен дом, в котором есть жена...»	147
«Два пса борзых охотились на льва...»	147
«В дни юности святую чистоту...»	147

ТУЮГИ

(Переводы С. Иванова)

«То губ нектар иль глаз твоих алмазная слеза ли?..» .	148
«Стрела обиды в грудь впилась и сердце мне задела...» .	148
«Дугою бровь, как меткий лук; стрелу мне брось навстречу...»	148
«Рубины губ ее — огонь, они мне душу жгут...»	149
«Нет, ты не роза, я правдив в сравненьи...»	149
«Кинжал разлуки в эту ночь затеял пир и справил...» .	149
«Пока любимая в Сари, грустить не перестану...»	149
«Бальзам для ран я не нашел, страницы книг листая...»	150
«Жестокий град коварных стрел мне душу поражал...»	150
«Мой взор состарила слеза, в страданиях пролитая...» .	150
«Чтоб ей сказать: «Не уходи», уста я растворил...» . . .	150
<i>Словарь</i>	151

АЛИШЕР НАВОИ

*И з б р а н н а я
л и р и к а*

Ташкент
Главная редакция
издательско-полиграфической
акционерной компании «Шарк»
2008

Редактор *Клюева О.*
Художественный редактор *Каноатов Т.*
Технический редактор *Хижова Л.*
Верстка *Бацева Л.*
Корректор *Ярулина И.*

Подписано в печать 17.06.2008 г. Формат 70x100^{1/32}. Печать
офсетная. Гарнитура «Петербург». Усл. п. л. 7,09. Уч.-изд. л. 8,8.
Тираж 3000 экз. Заказ № 4453. Цена договорная.

**Типография издательско-полиграфической
акционерной компании «Шарк».**
100083, г. Ташкент, ул. Буюк Турон, 41.

2600

Избранная лирика

ISBN 978-9943-00-272-2

9 789943 002722